

Д. Нагишкин

ТИХАЯ БУХТА

*Амурское книжное издательство
1959*

Д. Нагишкин

**ТИХАЯ
БУХТА**

*Дмурское книжное издательство • Благовещенск
1959*

Рисунки художника
Г. А л и м о в а

Глава первая

Мальчик прилег на траву и огляделся.

Место вполне подходило для засады.

Тропинка, торопливо бежавшая по лесу, внезапно оборвалась. Дальше стояли кусты и журчала вода, перекатываясь через острые камни, усеявшие дно протоки.

Вода в ручье была прозрачная: ясно виднелись позеленевшие от старости камни, жёлтый песок на дне и какие-то

маленькие рыбёшки. Они то стремительно пронизывали воду, и их узкие тела сверкали, то застывали в тени камней, то проплывали медленно целой стайкой, то вдруг стремглав бросались за мушкой, упавшей на воду. Они толкались, мешали друг другу, возились вокруг добычи, пока она не исчезала, проглоченная самой ловкой из них. Вдруг они бросились в разные стороны и мгновенно скрылись из виду.

Проплыл выводок серо-сизых гусей. Заметив мальчика, гусиный вожак тихонько пробормотал что-то; гуси остановились, шевеля в воде красными лапами. Вожак, переваливаясь, вылез на берег. За ним, отряхиваясь от воды, крича и хлопая крыльями, двинулись остальные.

Мальчик поднял ружьё, старательно зажмурился и дёрнул курок. Раздался выстрел. Гуси закричали. Охотник выстрелил ещё несколько раз. Но гуси не уходили с тропинки и, точно удивляясь, смотрели на мальчика, склонив головы набок и теснясь друг к другу.

В это время затрещал кустарник. Из-за ивняка выскочил другой мальчуган. Он подскочил к первому и крикнул:

— Ты чего в моих гусей стреляешь?!

Тот широко открыл глаза:

— Не в твоих, а в диких. Они ничьи.

— В диких?!

Мальчуган захохотал, делая вид, что от смеха не может перевести дух. Охотник покраснел и, переступив с ноги на ногу, приготовился к потасовке.

У мальчика с ружьём были голубые глаза, длинный веснушчатый нос, белокурые прямые, жёсткие волосы. Он ис-

подлобья наблюдал за противником и силился придать своему лицу устрашающее выражение. Он всё-таки был вооружён.

Другой, заложив руки за спину, спокойно повёл плечами и насмешливо проговорил:

— Эх ты, охотник! С винчестером шляешься, а домашних гусей от диких отличить не можешь! — Он прищурился и деловито добавил, уже без насмешки: — Когда стреляешь, надо левый глаз закрывать, а правым на мушку смотреть. А ты в белый свет палишь! Ружьё-то пульное?

— Ну и что же, что пульное?

— А то, что птицу не пулей, а дробью бьют... Ты чей будешь?

— А ты чей?

— Я сын Пундыка, Савелия Петровича. А ты, должно быть, Вихрова? Отец говорил мне, что лесничий с сыном приехал. Он встречал вас... — Тут сын Пундыка засунул руки в карманы и спросил: — Дратся будем или не будем?

Сын лесничего подумал. Силы были неравными. Схватка могла закончиться только в пользу Пундыка, крепкие ноги которого прочно держали его на земле, а ширококостое тело распирало старую, выгоревшую на солнце рубашку; застёгнутая только на одну пуговицу, она раскрывалась, обнажая загорелую грудь. Сын лесничего вежливо сказал:

— Я не дерусь, а если тебе хочется — давай.

— Очень мне надо! — спокойно сказал Пундык. — Я

тебя всё равно забуду. Давай лучше дружить! Меня зовут Шуркой.

— А меня Димкой.

— Ты из какого города к нам приехал?

— Из Владивостока... на «Алеуте»!..

— А мы с папкой таёжные, давно уже в этих местах живём.

Гуси обступили ребят со всех сторон. Вожак ходил возле Димки, сердясь и пригибая голову к земле. Шурка сказал:

— Помогите мне гусей до дому загнать, а то они опять в протоку уплывут, потом ищи!

Ребята выгнали гусей на тропинку и пошли к посёлку. Димка держал свой карабин за спиной.

— Я, брат, тоже так стрелял, — сказал Шурка и добавил с завистью: — Ружьишко у тебя хорошее! Отец подарил?

Димка искоса посмотрел на спутника — Шурка ему нравился.

— Приходи ко мне, — сказал он, — книги вместе читать будем! У меня книг много.

Шурка пренебрежительно отмахнулся:

— У нас тут, брат, интереснее, чем в книгах! Мы с отцом этой зимой на медведя ходили.

Димка с уважением сказал, веря только наполовину:

— Да ну-у!

Он уже оправился от смущения и неловкости и за ремень ружья держался с видом бывалого человека.

Через три дня ребята стали друзьями.

Глава вторая

Бухта Тихая, куда Димка с отцом приехал на «Алеуте» всего лишь восемь дней назад, встретила их очень неприветливо.

Всю дорогу море было беспокойное. Да и само время было тоже бурное. Гражданская война ещё не кончилась, и на этом берегу, как и во Владивостоке, ещё были белые и японцы.

«Алеут» попал в туман; белёсый и мокрый, туман окружил пароход со всех сторон и становился всё гуще и гуще. Предметы потеряли привычные очертания; пропали мачты, труба, даже капитанский мостик слился с этой мглой. Люди, сновавшие по кораблю, то и дело натыкались друг на друга.

Через каждые три минуты короткий взвизг сирены нависал над пароходом. И каждый раз этот звук, тревожный и неприятный, раздавался неожиданно. Казалось, что он идёт откуда-то сверху, словно кто-то незримый предупреждает корабль о надвигающейся опасности.

Сырость проникала всюду. Она капельками осаждалась на лицах и одежде людей, на кабестанах, бортах, обшивке, медных поручнях. Тонкие струйки сочились по металлическим предметам и, собираясь в ручейки, стекали на палубу, покрывали её лужами.

Димка продрог от этой сырости и оттого, что мгла и неизвестность пугали его: ему казалось, что пароход заблудился.

Но тут загрохотала якорная цепь, выходя из шлюза. Резко прозвенел судовой телеграф. «Алеут» замедлил ход. Якорь тяжело бухнулся в воду, подняв столб брызг. Цепь со скрежетом поползла вниз, в морскую глубину, потянулась вдоль борта, к корме и напряглась, вздрагивая от тяжести судна, которую нужно было сдержать. С мостика спустился помощник капитана. Он увидел Димку с отцом. Они стояли у штурмтрапа, готовые в дорогу. Увязанные вещи лежали на мокрой палубе. Помощник поздоровался с отцом, а Димку потрепал по щеке:

— Вот тебе и Тихая бухта. Приехали, путешественник!

Димка отодвинулся от помощника и посмотрел за борт. Приехали! Но вокруг ничего, кроме тумана. И Димка подумал, что сам помощник тоже ничего не знает.

И в самом деле, пароход гудел долго — так долго, как может кричать человек, заблудившийся в лесу. Потом он замолк. Помощник прислушался. Откуда-то донёсся звук, которого Димка не мог определить.

— Стреляют! — сказал моряк. — Молодец наш капитан — даже в таком тумане привёл пароход куда надо.

— А кто стреляет? — встревоженно спросил отец Димки.

— Жители стреляют, чтобы указать, куда наш кунгас должен идти на выгрузку. Тут ведь не везде можно выгрузиться.

С парохода спустили кунгас. И Димка с отцом по штурмтрапу стали сходить вниз.

Димка судорожно вцепился в руку отца. Но и тот держался неуверенно. Подкидываемый волною, кунгас толкал-

ся в конец трапа, трап вздрагивал; верёвки, на которых он держался, тоже трепетали.

Впрочем, всё это, очевидно, казалось страшным только Димке, потому что один матрос подбодрил его:

— Не бойся, парень, не жмурься! Дальше воды не упадёшь.

Кунгас отвалил от «Алеута», и тот сразу пропал из виду. С берега время от времени доносились выстрелы. Потом их заглушил ровный грозный гул. Димка шёпотом спросил у отца:

— Это что такое?

— Это бар, — ответил помощник капитана, и пояснил: — Прибой, идущий в устье реки. Он поднимает большие волны.

Скоро стал виден берег; на нём горели костры, сутились люди, что-то крича. Высаживаться можно было сразу на землю, но сбоку была высокая волна, и брызги залили вещи и пассажиров. Димка вымок до нитки.

На берегу к ним подошёл приземистый широкоплечий человек и, пристально вглядываясь в лицо отца, спросил:

— Вы новый лесничий будете?

— Да, — ответил отец.

— Я объездчик. Пундык Савелий Петрович. Будем знакомы!

Он протянул широкую ладонь, в которой совсем потерялась рука нового лесничего, и предложил проводить начальника до его квартиры в посёлке.

Подхватив пожитки, Димка с отцом пошли, куда указывал объездчик.

Дорога была скверная. Димка то и дело спотыкался о какие-то коряги и пни.

— Дорог у нас нету, — сказал объездчик, — место глухое, таёжное.

У Димки сжалось сердце. И пароход, который за десять дней пути надоел ему, теперь показался родным домом. Захотелось обратно.

Но, обернувшись назад, Димка уже не увидел ни «Алеута», ни бухты — только один туман, в котором по-прежнему ровно и грозно ревел невидимый бар.

Димке не понравилось новое место. Гористый берег был загромождён валежником, нанесённым прибоем. По берегу реки Тихой в беспорядке раскинулись бревенчатые избы, потемневшие от ветров и дождей.

Димке с отцом пришлось жить в одной из таких изб. Правда, внутри было чисто и уютно. Но сразу же за плетнём, который окружал двор, начиналась тайга. Громадные лиственницы вперемежку с кедрами карабкались на сопку. Их крепкие корни цепко хватали каменистую почву. Взбираясь всё выше и выше, деревья теснее жались друг к другу и, наконец, сливались в сплошную стену. Димке думалось, что через эту стену никто — ни зверь, ни человек — не проберётся.

По ночам северный ветер раскачивал деревья и выл на разные голоса.

В первые дни Димка не отваживался уходить далеко от дома. Погода стояла скверная. Ветер рвал туман, но не мог одолеть его. Где-то в вышине солнце старалось пробраться через мгlistую пелену, маяча мутным светлым пятном.

И однажды оно разыскало какую-то лазейку, протянуло в неё свои лучи и раздвинуло в тумане окна. Ветер наконец оторвал туман от земли, разметал его в клочья, и они растаяли в тёплом воздухе.

В этот день отец подарил Димке охотничий винчестер. Он обещал объяснить, как надо обращаться с ружьём, но забыл. А Димка не стал дожидаться, пока отец вспомнит. Он захватил винчестер, заряженный отцом, и отправился на охоту.

Облитые ярким солнцем, бухта, река и посёлок показались Димке другими. Он с удивлением глядел вокруг.

Деревню окружали сопки. Их склоны, обращённые к реке, густо заросли травой, кустарником и лесом. Теперь, когда солнце осветило их, они переливались всеми оттенками зелёного и синего. Тут были и тёмно-зелёные сосны, и голубоватые кедры, и светло-зелёные берёзы.

Никогда не приходилось Димке видеть такой чащи. Ноги с трудом продирались сквозь густую траву. В ней стрекотали кузнечики. Ожили и замелькали стрекозы, сверкая прозрачными крыльями. Прогудела мимо пчела, села на цветок, раздвинула лапками тычинки, сложила крылышки, и Димке было видно только её полосатое брюшко. Оно то светлело, то темнело: пчела, собирая цветочную пыльцу, ровно дышала.

Удивительно было в лесу!

Вековые деревья росли каждое по-своему. Вот совсем круглое, как шар. Кажется, тронь его — покатится. А рядом — прямое, словно обелиск, какие Димке приходилось видеть на картинках. Просветов между ветвями почти не

было видно, так густо они сплелись. Димка нырял туда, точно в пещеру. Он шёл, не чуя под собою ног, оглядываясь и рассматривая диковинную заросль.

Тайга! Вот она какая!

Глава третья

ни помчались быстро.

В эту весну целый мир открылся перед Димкой. Он и раньше много читал и любил книги о приключениях и путешествиях. А теперь и тайга, и река, которые он видел каждый день, казались ему ничуть не хуже, даже интереснее, чем в книгах.

Однажды Шурка посадил его на ороческую оморочку — узенькую, долблённую из тополя лодочку, такую маленькую, что она казалась игрушечной. Лёгкая, с одним веслом, она слушалась малейшего движения Шурки.

Как приятно, должно быть, сидеть в ней одному и плыть по лесной реке!

Прокатившись несколько раз с новым приятелем, Шурка предложил Димке поездить в оморочке одному. Димка охотно согласился. Но каково же было его удивление, когда он немедленно опрокинулся в воду, стоило ему только сесть на место Шурки! Пока он, отряхиваясь от воды, вылезал на берег, Шурка хохотал, захлёбываясь от смеха. Димка нахмурился:

— Нарочно подстроил?

Шурка перестал смеяться:

— Не нарочно, а ты, когда садился, на один борт опёрся.

— Ну и что?

— А то, что в эту лодку так садиться нельзя: опираться надо сразу на оба борта.

Но прошло несколько дней, и Димка научился гонять оморочку так хорошо, что даже сдержанный на похвалы Шурка сказал ему:

— Да ты, брат, теперь совсем по-таёжному!

Теперь ребята предпринимали на оморочках длинные прогулки. На речке Тихой оказалось много протоков, то тенистых от нависших над водой деревьев, то светлых, со сверкающими песчаными берегами, то таких быстрых, что против течения было трудно грести, а иногда на самой широкой и глубокой из протоков ребята натыкались на каменные перекаты. Тогда оморочки приходилось перетаскивать через них волоком. А то вдруг сразу после илистой мели протока разливалась широким озером с прозрачной водой.

Иногда, оставив на берегу оморочки, ребята отправлялись в лес.

Листвѣ и хвоя, многие годы падавшие к подножиям деревьев, заглушали шаги. Толпы клёнов, елей и кедров окружали ребят. Тёмные ели встречали их неприветливо. Мальчики то и дело натыкались на их острые иглы. Зато берёзы и вѣтлы казались ласковыми. А кедры даже и разглядеть нельзя было, так высоко поднимали они свои пышные шапки.

Шурка водил друга по лесу как хозяин: он знал

по имени каждое дерево, знал, когда оно болеет, когда веселится.

Шурка часто останавливался и прислушивался к разноголосому говору зелёного народа. При этом он говорил, что каждое дерево, каждая порода шумит на свой лад. Димка не верил этому.

Однако, научившись различать шумы леса, он понял, что и верно, — кедр шумит густо, клён и берёза не шумят, а звенят, змея-дерево — шуршит, как будто оно не стелется по ветру, извиваясь под его порывами всем своим серым, гибким стволом, а ползёт по земле.

Однажды Шурка остановился у раскидистого дерева, кора на котором была почти чёрной. Шурка постучал по нему согнутым пальцем.

— Вот этот в лесу всех старше! — сказал он с уважением. — Это тис. Когда он начинает шуметь, кажется, что все остальные шумят меньше.

— Тис? — удивился Димка. — Разве он здесь растёт?

— У нас всё растёт! — сказал Шурка.

— У Робин Гуда лук был сделан тоже из тиса... Знаешь, Шурка, давай и мы сделаем из него луки!

Но Шурка не понял приятеля:

— На что тебе лук? Хорошего ружья разве мало тебе? И кто такой этот Родингут?

— Не Родингут, а Робин Гуд! Знаешь, это был знаменитый разбойник... английский.

— Тю-ю! — презрительно протянул Шурка. — Тоже нашёл цацку!

— Так ведь Робин Гуд был хороший разбойник! —

оправдывался Димка. — Он только богатых убивал. А бедным — помогал. Один раз он наказал несправедного судью — ноттингемского шерифа. О нём книжек много написано... Я сам читал.

— Помогал бедным? А ты не врешь? — спросил Шурка.

— Честное слово! — ответил Димка горячо и даже побожился при этом.

— Ну, если так, то ничего, — снисходительно сказал Шурка, уже готовый примириться с Робин Гудом. — Степана Разина тоже разбойником называли... У тебя про Степана книжки нет? Или про Пугачёва?

И тут, к удивлению Димки, оказалось, что Шурка знал не только про Степана Разина и Пугачёва, но и про других людей, о которых он, Димка, ничего не слышал.

— Мне про них батька рассказывал, — сказал Шурка. — Здорово? Правда?

И Димка должен был с ним согласиться.

Целыми днями бродили теперь мальчики по тайге, и она перестала казаться Димке такой страшной, как прежде. Он завёл себе заплечный мешок, как у Шурки. В мешке держал соль, сахар, чай, сало и ещё какую придётся еду.

Из коры молодой берёзы Шурка делал коробочки, чашки, ложки, кастрюльки. Конечно, с этими предметами Шуркины изделия имели лишь весьма отдалённое сходство, однако ребята пользовались ими охотнее, чем настоящими.

В берестяных кастрюльках друзья кипятили на костре воду. Вода пахла дымом и берёзой. Кора придавала ей при-

ятный желтоватый оттенок. И чай казался во сто раз лучше и вкуснее домашнего.

Всё это было очень интересно. Одно огорчало Димку — Шурка разжигал костёр спичкой, как все обыкновенные люди. Это было слишком просто! Никто из героев его любимых книг не пользовался спичками. Обычно употреблялись трут с огнивом, зажигательное стекло и, наконец, «вечный огонь». Димка стащил у отца увеличительное стекло и попросил приятеля, когда они в лесу, пользоваться стеклом, а не спичками. Шурка только усмехнулся при этом, но стекло взял.

Шурка научил Димку стрелять. И пообещал научить его подманивать птицу.

Он сдержал своё слово. Однажды, забравшись в чащу, Шурка вытащил из кармана несколько дудочек разной формы и размера: деревянных, из гусяного пера, металлических. Вокруг щебетали птицы. Шурка взял Димку за локоть:

— Слушай... Кто это кричит, знаешь?

Димка прислушался. Что-то знакомое. Он узнал кукушку и обрадованно сказал:

— Это кукушка!

— Верно. А это кто?

— Тоже кукушка!

Шурка рассмеялся:

— Вот и ошибся! Ты лучше слушай. Это дикий голубь. Этот глуше. Потом он будто говорит «пу-гу», а не «ку-ку». А эта вот потихонечку говорит «цок-цок» — это куропатка. А вон цапля щёлкнула, будто ножницами. Это она лягуш-

ку караулила, да промахнулась. А фазан — тот вроде петуха кричит, который сердится или испугался, — Шурка с гордостью посмотрел на Димку. — А хочешь, я сейчас сюда позову птицу, какую ты скажешь?

— Ну, позови кукушку, — сказал недоверчиво Димка.

— Нет, кукушка не пойдёт, она не любит других кукушек. Хочешь, пеночку позову? Она любопытная.

Шурка вынул узенький из гусяного пера пищик и зашвистел нежно и тоненько:

— Пи-и-пи... Пи-и-пи...

Вдруг откуда-то сверху отозвалось:

— Пи-и-пи-пи... Пи-и-пи-пи...

Шурка велел Димке не шевелиться, чтобы не спугнуть птичку. Тот застыл с раскрытым ртом. Птичка свистнула ещё несколько раз. Шурка отозвался. Тогда птичка села на ветку, неподалеку от ребят. Её красная грудка трепетала от биения сердца. Она топорщила пёрышки, перескочила несколько раз с одной на другую веточку и чёрными блестящими глазками рассматривала друзей, наблюдавших за нею.

Пеночка опять свистнула. Шурка тихонечко ответил ей. Пеночка посмотрела на него, вспорхнула и стала летать возле ребят, потом опустилась в траву, пробежалась по ней, подпрыгивая. У Димки затекли ноги, и он переступил на месте. Пеночка тотчас же взвилась кверху и пропала среди веток.

Димка с восхищением посмотрел на Шурку, а тот только щёлкнул языком.

Глава четвёртая

осёлок делился на несколько частей. На одном берегу реки стояло полсотни деревянных домов, в которых жили русские старожилы, местные власти и служащие лесничества. Немного выше — китайская слободка, населённая китайцами и корейцами — огородниками и рыбаками.

По вечерам в китайской слободке лаяли собаки, слышались гортанная речь, женское пение. Все звуки покрывала сяо—флейта, в нежную мелодию которой резко врываются иногда визгливые звуки китайской скрипки.

На другом берегу реки стояла японская лесная концессия — несколько огромных барачков для рабочих, склады и дом Няямы-сан — управляющего концессией. Утром, чуть свет, японцы отправлялись на лесные работы, и до русского посёлка, ещё дремлющего в это время, долетали их протяжное пение и крики.

Иногда по делам концессии к отцу Димки приезжал сам управляющий и его приказчик, Накано-сан. Они никогда не являлись с пустыми руками: то привезут вино, то папирсы или английский душистый табак. Всё это они с поклонами вручали Вихрову, говоря, что получили посылку с родины и что Вихров-сан обидит их, если не примет подарка. Такой у них обычай. Дмитрий Никитич сперва отказывался, а потом стал принимать.

Нередко подарки Няямы привозили рабочие. Димка с любопытством разглядывал японцев. Одевались они про-

сто: короткий синий кафтанчик с иероглифами концессии на спине и груди, подпоясанный кушаком, под кафтаном — трусы, на голове — широкополая шляпа из рисовой соломы. В сырую и холодную погоду японцы носили брюки, а поверх кафтана — плащ, тоже из рисовой соломы, доходивший до колен. На ногах они носили матерчатые, на резиновой подошве ботинки — таби.

Димка стал частым гостем у Шурки.

Савелий Петрович, отец Шурки, всегда что-нибудь мастерил. Со всей округи к нему несли испорченные ружья, ножи, пружины. Он всё умел наладить.

Димке это нравилось. Он и сам был не прочь смастерить что-нибудь — ружьё или капкан из проволоки, а дома у отца ничего этого не было. Только шуршали бумаги, скрипело перо и сухо щёлкали счёты. Но самую интересную вещь — счётную линейку — отец никогда не давал в руки.

Савелий Петрович долго приглядывался к Димке и однажды сказал сыну:

— Ничего, из Димки твоего можно человека сделать. Ладный будет хлопец!

С некоторых пор у Димки появился новый интерес: Савелий Петрович починил одному орочу ружьё и собирался отвезти его в стойбище, причём обещал Шурке и Димке взять их с собой. Теперь Димка ежедневно бегал к Пундыкам.

Ружьё уже было исправлено, а Савелий Петрович всё не ехал. Концессионеры стали сплавлять неклеимённый лес, и Савелию Петровичу приходилось выдерживать жестокие

схватки с японскими десятниками. Возвращался он домой усталый, сердитый и вполголоса ворчал:

— Вот силу начали забирать, желтолобые!

Наконец однажды вечером Савелий Петрович сказал ребятам:

— Ну, завтра едем!

Но утром Вихровых разбудил отчаянный стук в окно. В предрассветном сумраке Димка увидел бледное лицо Шурки. Тот прильнул к стеклу и что есть силы барабанил по раме.

Отец Димки, распахнув окно, с тревогой спросил:

— Что случилось?

Шурка шёпотом проговорил:

— Папу японский кольцовщик убил! Помогите, Дмитрий Никитич.

Лесничий быстро оделся и вышел на улицу. Димка побежал за ним.

Пундык лежал на кровати с закрытыми глазами.

— Савелий Петрович, — тихо окликнул его лесничий, — кто это вас?

Пундык открыл глаза:

— Кольцовщик... ножом пырнул...

— За что?

— Я под утро вышел к штабелям на Бешеной протоке, а штабелей нет. Я — к бону, гляжу на одно бревно, на другое — все неклеймёные... — Пундык замолк, потом с напряжением продолжал: — Мне бы стерпеть, а у меня сердце разгорелось. Я закричал на кольцовщика. Он глазами на меня зыркнул да как ударит! Я думал кулаком, а как гля-

нул — страшно стало: ножом ударил. Помогите, Дмитрий Никитич, живот перевязать. Шурка пока за фельдшером сбегает...

Дмитрий Никитич растерянно посмотрел на Пундыка:

— Савелий Петрович... Я не умею делать перевязки!

— Только завернуть полотенцем, пока Николай Иванович придёт...

Шурка заметался по комнате, собирая для перевязки чистое тряпье, полотенца. Вихров стал кое-как перевязывать, а Шурка помчался в больницу.

Вскоре он вернулся с фельдшером Николаем Ивановичем, который, осмотрев рану, сказал Пундыку:

— Ничего, Савелий Петрович, зашьём — вдвое крепче будет.

Шурка помогал фельдшеру кипятить воду, инструменты, мыть руки. Димка тоже помогал. Он очень жалел Савелия Петровича, но в его душе шевелилось и любопытство: как это живого человека можно зашивать, точно мешок?

Однако, как это делается, Димка так и не увидел, потому что фельдшер, едва только закончились приготовления, выгнал их с Шуркой из дому.

Выйдя из избы, ребята молча сели на завалинку. Димка весь дрожал. Он боялся, что Савелий Петрович будет кричать. Но, как он ни прислушивался, криков никаких не услышал.

Через полчаса скрипнула дверь, из избы выглянул Николай Иванович.

— Ну как? — с тревогой спросил Шурка.

— Что «как»? Сказал, крепче прежнего будет — значит, будет.

И Шурка, обратившись к приятелю, сказал с гордостью:

— А ты что думал? У меня папка крепкий: жилы из него тяни — слова не скажет.

О поездке в стойбище теперь не могло быть и речи. Пундыку пришлось лежать в постели. Первые два дня он шутил, смеялся. Казалось, через неделю он сможет встать. Но потом шов на животе вздулся, распух и побагровел. У Савелия Петровича начался жар.

Друзья не отходили от его постели.

На четвёртую ночь Савелий Петрович начал метаться и бредить. Сперва он что-то невнятно бормотал, потом стал кричать. В бреду он говорил о партизанах, командовал, и Димка удивлённо спрашивал у Шурки:

— Что это он говорит?

Шурка отвечал уклончиво:

— Мало ли что может человеку в бреду примерещиться!

Однако, когда Савелий Петрович затих и уснул, Шурка нехотя сказал другу:

— Ты не говори никому, что отец о партизанах кричал. А то здешний староста Чекрыга узнает — он нас изведёт. Отец в Приморье партизанил, когда товарища Лазо¹⁾

¹⁾ Лазо Сергей Георгиевич (1894—1920) — коммунист, руководитель отрядов Красной Гвардии, организатор партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке во время гражданской войны. Был предательски захвачен японскими интервентами и сожжён живым в паровозной топке.

японцы в топке сожгли. Мы в Черниговке жили. Отец машинистом был на паровозе. Один раз белые заставили его вести поезд со снарядами, а он не захотел. Тогда его забрали в контрразведку и шомполами били. Батька слова не проронил, состав повёл. Под Хабаровском паровоз с полного хода пустил на занятый путь. Жандарма — по зубам, а сам соскочил на полотно, и вся бригада за ним — они заранее сговорились. Состав взорвался, а батька с бригадой — в сопки. Его потом везде искали. Мамку убили во дворе, когда она сказала, что ничего не знает. Меня допрашивали, били, а что я скажу, когда не знаю, где отец! А кабы и знал, так разве сказал бы? Потом меня один дядька, тоже машинист, приютил у себя. Через полгода отец ночью пришёл, забрал меня — и во Владивосток. Потом мы сюда приехали. — Шурка нахмурился и серьёзно посмотрел на друга: — Ты молчи, никому не говори, а то, сам знаешь, убить человека легко, а ты попробуй найди такого, как мой папка!

Димка поклялся, что никому ничего не скажет.

Случай с Пундыком и возмутил и испугал лесничего. Он горячо говорил, что нужно разыскать и наказать преступника. Но объездчик отговаривал его.

— Бесполезно это, — говорил он. — Не мы тут хозяева. Какой смысл Няяме выдавать этого бандита? Ему такие люди и нужны, чтобы держать рабочих в ежовых рукавицах. Он его не выдаст.

— Но ведь Няяма — человек культурный, — говорил лесничий. — Он не потерпит разбоя. Я схожу к нему сам и попробую наказать бандита.

Сначала он зашёл к сельскому старосте Чекрыге. Староста был высокий рыжебородый человек с мохнатыми глазами. Это впечатление создавалось из-за необычайно длинных и жёстких ресниц, за которыми глаза Чекрыги прятались, словно за кустами.

Чекрыга выслушал Вихрова стоя, немного наклонившись, с таким выражением, словно он прислушивался к гудению шмеля, летавшего вокруг.

Затем покачал головой:

— Ай-яй-яй, дело-то какое получается!.. — и неожиданно добавил: — Говорил я Савелию Петровичу, чтобы он с япошками бережнее держался!

— Но, позвольте, — удивился Вихров, — при чём тут Пундык? Не он виноват.

— Да чего там... Разве они что-нибудь понимают, косолазые? Азиаты ведь! С ними нужно, как с малыми ребятами... — певуче сказал Чекрыга и совсем закрыл глаза. — Вам бы, господин лесничий, сходить к господину Няяме! Тот мигом наладит всё. Человек с головой.

Вихров отправился на концессию. Встретил его сам Няяма. Радостно скаля косые зубы, он засуетился, как будто не зная, куда посадить дорогого гостя, предложил Вихрову вина, сигары. Потом любезно осведомился о цели прихода. Лесничий рассказал о происшествии с Пундыком. Няяма внимательно выслушал и озабоченно почмокал губами.

Хлопнув в ладоши, он вызвал к себе слугу-китайца, приказал позвать Накано. Приказчик явился и также внимательно выслушал Вихрова.

Наконец Няяма заявил:

— Вот, Накано-сан разыщет этого рабочего и сдаст русским властям.

Очень довольный, Вихров распрощался с концессионерами, приняв подарки, навязанные ему любезным, улыбающимся хозяином.

Для Пундыка Наяма передал костюм из дешёвой шерсти.

Вернувшись в посёлок, лесничий тотчас же явился к Савелию Петровичу и рассказал ему о разговоре с Наямой.

Пундык сказал:

— Виновников не найдут.

От подарка же объездчик наотрез отказался, а когда лесничий стал его уговаривать, то сдвинул свои густые брови и отвернулся к стене.

Вихров ушёл.

Через два дня к лесничему явился приказчик Накано и с бесконечными улыбками и поклонами сообщил, что человека, который чуть не убил Пундыка, зовут Саканами, что, к сожалению, его ещё не разыскали. Испуганный своим поступком, он куда-то убежал. Накано просил Вихрова не беспокоиться: рано или поздно его поймут... Если, добавил он, преступник не убежал на проходившем вчера пароходе.

К Пундыку Вихров зашёл лишь через несколько дней.

— Не поймали ещё вашего убийцу, — сказал он объездчику, — но убежать ему не дадут!

Пундык с усмешкой посмотрел на лесничего и ничего не сказал.

Глава пятая

Тайна, которую узнал Димка, наполнила его уважением к Савелию Петровичу и к Шурке. Димка завидовал приятелю: не каждый имеет отца, который взорвал поезд со снарядами.

Шурка же, разболтав тайну, чувствовал себя нехорошо. Теперь он всё больше молчал. Молчал и Димка. Но это несколько не отразилось на их уходе за больным. Стоило Пундыку пошевелиться, как оба со всех ног бросались к нему, наперебой стараясь выполнить малейшее его желание.

Скоро дело пошло на поправку. Савелий Петрович мог уже садиться в постели. Настал наконец день, когда он, пройдясь по комнате, заявил ребятам:

— Ну, хлопчики, шабаш — выздоровел! Теперь можно и в стойбище ехать.

Наутро, чуть свет, Димка поднялся с постели. Отец ещё спал. Димка тихонько оделся и вышел на улицу. Он решил починить у своей оморочки распорки, чтобы как следует подготовиться в путь.

Оморочка лежала на берегу. Димка перевернул её и присел рядом на камень.

С реки тянуло свежестью.

Из-за далёких гор побежали по небу одна за другой алые полосы. Порозовели вершины сопок. Но река не проснулась. Под пеленой белой дымки поверхность её была зеркально спокойной. Ни одна волна не пробежала ещё по ней.

У Димки слипались глаза. Но он пересиливал себя.

Дымка над рекой постепенно растаяла. Тихий ветерок вывернулся откуда-то из-за поворота реки, с верховьев. Вода покрылась рябью. Заиграли на ней лучи солнца, огромным раскалённым шаром выкатившегося из-за гор. Разбуженная яркими лучами, ни с того ни с сего тявкнула со сна собака-лайка, спавшая на берегу, вскочила, потянулась и звучно зевнула.

Димка, по мальчишечьей примете, подумал: «К деньгам тянется!»

И хотя эта примета чаще всего оказывалась неверной, он повеселел. Собака подошла к реке, высунула длинный красный язык, полакала воды и остановилась, не зная, чем заняться. Посмотрела на Димку, потом вверх по реке — и вдруг залаяла. Димка тоже посмотрел в ту сторону.

С верховьев быстро шла оморочка.

Димка поднёс ладонь к глазам. Яркий свет солнца мешал ему рассмотреть, кто едет. Но оморочка быстро приближалась и скоро остановилась около Димки.

В ней сидел странный человек.

Короткий халат его был расшит шёлком. Красивый узор вился на плечах, воротнике, груди, на манжетах. Голову покрывал полотняный убор. Его увенчивала так же расшитая малюсенькая шапочка с беличьим хвостом.

Лицо у человека было смуглое, с маленькими чёрными глазками. Не будь этих живых, острых, всё замечающих, чуть прищуренных глаз — лицо человека казалось бы высеченным из камня. Широкие скулы, короткий нос с раздувающимися ноздрями, большой покатый лоб, крупные зу-

бы, крепкий большой рот и решительный подбородок сообщали этому лицу выражение силы и какой-то задумчивости.

Димка, точно замороженный, смотрел на человека. «Индеец!» — мелькнула у него мысль.

Странный человек улыбнулся, заметив изумление, написанное на лице мальчика.

— Эй, спичка есть — нету? — спросил он.

Димка так растерялся, что промолчал.

Тот опять спросил:

— Тебе что, язык нету, а?

Он сильным ударом весла выгнал оморочку на берег, вылез, перевернул её. Затем взвалил на плечи свой мешок и пошёл по берегу. Собака зарычала. Но, должно быть, учуяв что-то вкусное в мешке незнакомца, завиляла хвостом и пошла за ним.

Человек направился в посёлок. Ступал он по земле легко. На ногах у него были красивые унты из оленьей кожи, на расшитом косточками поясе висели кисет и нож. Длинная трубка была заткнута за пояс.

Никогда в жизни Димке не приходилось видеть так нарядно одетого мужчину. Димка невольно посмотрел вверх по реке, откуда приплыл человек. Значит, там живут эти удивительные люди.

Между тем приехавший подошёл к дому Пундыков и громко постучал в окно.

— Эй, Пундыка! Софрон приехал. Открывай дверь! — закричал он.

На лице Димки выразилось крайнее изумление.

Софрон! Значит, это тот самый ороch, к которому соби-
рался ехать Савелий Петрович?

В доме Пундыка хлопнула дверь, и Софрон исчез, слов-
но его и не было вовсе. Собака села возле двери и стала
терпеливо ждать, неизвестно на что надеясь, а Димка, огор-
чѣнный, поплѣлся домой. Он никак не мог простить себе,
что упустил случай познакомиться со знаменитым охотни-
ком Софроном.

Вдруг из дома Пундыков выскочил Шурка. Протирая
глаза, он бросился к Димке:

— Слышь, Бисанка приехал! Приходи — посмотришь.

— А я его уже видел.

— Да ну?

— Вот тебе и «ну»! Мы с ним разговаривали. Он у ме-
ня попросил прикурить.

— А ты что?

— Я? Ничего... я... Ты ведь знаешь, я не курю...

— Идѣм к нам!

— А как его зовут? Ты, кажется, «Бисанка» сказал?

— Бисанка — фамилия, а зовут Софрон.

— Ну что это за имя — Софрон! Лучше бы его зва-
ли иначе: Ястребиный Коготь или Горный Рыкающий
Тигр!

— Ему и Софроном хорошо называться, — рассу-
дительно заметил Шурка. — Он лучший охотник из орочей.
Белку на лету дробинкой в глаз бѣёт.

Против этого Димка не мог ничего возразить. Собствен-
но, Шурке он возразил лишь потому, что оробел перед Соф-
роном. А ему и самому ороch нравился. Беличий хвост на его

шапочке придавал ему необычайно воинственный вид, вполне заменяя орлиные перья индейцев.

Два дня Димка был сам не свой. Ему не терпелось скорее поехать с Шуркой в стойбище, чтобы увидеть своими глазами, как же эти орочи живут, есть ли у них настоящие вигвамы. Между тем Софрон никуда не собирался уезжать и, должно быть, чувствовал себя в посёлке прекрасно. Он часто ездил на ту сторону реки. В концессии его, видимо, охотно принимали. Возвращался Софрон пьяный. Кафтан его оттопыривался. Бисанка запихивал за пазуху без разбора всё, что давали ему на той стороне. Негнуцимися пальцами, с пьяной похвальбой довольного собой человека, он вынимал из-за пазухи банки фруктовых консервов, американский жевательный табак или бутылку рисовой водки — сакэ, а иногда даже и коньяку.

— Эй, Пундык, Софрона Бисанка все любят! — хвастал он. — Софрон — охотник хороший. Зима будет — Софрон зверя бить будет, шкурка концессия таскать будет... Деньги много-много надо. Водка надо, табак надо, порох-дробь надо... Скоро Софрон тайга пошёл.

— Эй, Софрон, в долг берёшь? — качал головой Савелий Петрович.

— В долг.

— Платить когда будешь?

— Зима платить буду.

— Грабить тебя зимой будут!

— Ничего, зимой можно грабить: тайга богатый! Зверь много есть. Меня Наямка сильно уважает.

Димке было непонятно, как это Наяма будет грабить

Софрона зимой. Когда он задал этот вопрос Шурке, тот рассказал ему, что концессия незаконно скупает у орочей пушнину по дешёвке, в обмен на водку и дрянные японские безделушки. Редко-редко ороч получает третью часть настоящей цены. Летом старшины-приказчики ездят в стойбище, на Майдату, и в долг раздают порох, дробь, рис, водку, табак. Зато зимой с лихвой собирают долги. Хитрый Няяма не жалеет и взятки. Он ставит сети на лучших местах, забирая иной раз всю рыбу, сплавляет неклеимённый лес, рубит заповедные деревья, скупает пушнину... И не считаешь, сколько он вывез из бухты Тихой всякого добра.

Рассказывая об этом, Шурка был так взволнован, так крепко сжимал кулаки, что Димке показалось, будто он сердится и на него, а не только на японца Няяму.

Но Димка не чувствовал себя виноватым. Ведь и ему было жалко этой тихой бухты, которую он успел полюбить, этих широких кедров, уплывающих куда-то вниз по реке. А сколько лет им нужно расти тут в тишине, чтобы головой они могли коснуться неба!

Разгорячённый Шурка сказал:

— А всё взятки! Думали, новый лесничий конец этому положит, а он тоже...

Димка вступился за отца:

— Неправда, мой папа взятки не берёт!

— Как же не берёт! Весь посёлок видит, как Няяма к Дмитрию Никитичу ездит. Он даром ездить не будет.

У Димки загорелись уши. Он с ужасом вспомнил вдруг, что штаны на нём — тоже подарок Няямы. Он густо покраснел, но всё же попытался защищаться:

— А твой отец ничего не берёт?

— Нет! — строго ответил Шурка. — Он партизаном был. Он красный. Наяма к нему тоже подъезжал, да отец его так пужанул, что тот больше не суётся.

— Мой папа политикой не занимается, — возразил Димка, вспомнив отцовскую фразу.

— Ага, политикой не занимается, а взятки берёт, Наяме хозяйничать позволяет!..

Димке нечего было сказать, и, не слушая больше ничего, он бросился прочь от своего друга.

До вечера Димка просидел у реки.

Ему было очень тяжело. До сих пор отец казался ему лучшим человеком на земле. Правда, Димка немного побаивался его, потому что отец был скуп на слова и на ласку. Но всё же Димке хотелось, когда он вырастет, быть таким, как отец. То, что он услышал от Шурки, его потрясло. И, не зная, что теперь делать, Димка лёг на траву и заплакал.

Стемнело. Димка поднялся. Сквозь слёзы глядел он на реку. А по ней, точно назло, одно за другим плыли вниз, вздрагивая и покачиваясь, чёрные брёвна — кедры, сосны и пихты, освобождённые от ветвей и коры, гладкие, голые, точно раздетые шайкой разбойников. Может быть, ни одно из них не клеймёное. Проклятые брёвна! Они плывут по реке, люди смотрят на них и вспоминают, что новый лесничий — взяточник...

Когда река совсем пропала в чёрной пустоте ночи и только редкие всплески да глухие звуки сталкивающихся брёвен давали о ней знать, Димка со вздохом поднялся и поплёлся домой.

У него нестерпимо болела голова.

Придя, он сразу полез в чемодан. Отец, сидевший у стола, прищурился:

— Ты что там делаешь?

— Штаны переодеваю.

— Чего это на ночь глядя?

— Эти больше не надену.

— Почему?

— Потому что это взятка.

— Что?!

Отец поднялся со стула. Громадная тень вскочила вместе с ним, взлетела на потолок и нагнулась, будто рассматривая Димку. Мальчик стащил с себя штаны и, бросив их на пол, стал надевать другие. Лицо Вихрова потемнело.

— Повтори, что ты сказал!

Тень метнулась по стене и закрыла огонь. Димка зажмурил глаза. Тяжёлый клубок жгучей обиды на отца подкатил к горлу, солёные слёзы зацекотали глаза. Пусть отец делает что хочет. И Димка, чувствуя, что делает что-то неоправданное, закричал:

— Весь посёлок говорит, что ты взяточник!.. Позволяешь Няяме хозяйничать!.. Носи сам его штаны!..

— Как ты смеешь? Молокосос!

И Димка услышал, как отец сорвал с себя ремень.

— Ну, бей, пожалуйста, сколько хочешь! Убей! А я взяточником не буду!

Димка кричал, пока горло не перехватило.

Однако отец не стал его бить.

Димка лёг лицом на пол и опять заплакал.

Плакал он долго и наконец устал. Поднял голову. В комнате стояла тишина. Отец сидел за столом, закрыв лицо руками. Димка долго смотрел на него. Отец не двигался.

От плача у Димки слипались глаза, в голове гудело. Всё тело ныло от усталости. Он едва добрался до кровати, положил голову на подушки, подумал, что жизнь теперь разбита, и не заметил, как уснул.

Глава шестая

Утром Димку разбудили солнечные лучи. Ещё не раскрывая глаз, он потянулся и вспомнил, что сегодня Софрон и Шурка едут в стойбище.

Димка быстро вскочил. В комнате было светло и чисто. На столе было приготовлено молоко и хлеб с маслом. На стуле возле кровати лежали его старые штаны, в которых он приехал из Владивостока. Тогда только Димка вспомнил ссору с отцом, свою обиду, быстро оделся и взял ружьё. Он хотел уже было выйти, но в дверях столкнулся с отцом. Морщины на лице отца были резче, чем обычно, и лицо — землястое. Должно быть, он плохо спал эту ночь. Не глядя на Димку, отец прошёл к столу и сел.

— Я к орочам поеду, — тихо сказал Димка, чувствуя всё-таки жалость к отцу.

Отец ответил не оборачиваясь:

— Поезжай.

Оморочка Софрона была уже на воде, когда Димка вы-

шел из дому, а сам Софрон сидел в лодке, прижимая её веслом к берегу.

Димка и Шурка тоже сели в оморочку и взяли в руки вёсла. Софрон подал знак, крикнул, мотнул своими толстыми косами, и оморочка, оторвавшись от берега, как ласточка, помчалась вперёд.

Софрон правил в сторону от главного русла. Тут не слышно было ни криков людей, ни собачьего лая, ни пыхтенья катеров — берег казался пустынным.

К полудню Тихая стала маленькой и узкой. Софрон резко повернул лодку в боковую протоку и, несколько раз взмахнув веслом, проплыл её. Открылась широкая и стремительная река.

— Речка Май. С горы бежит. Сердитый речка. Теперь стойбище недалеко, — пояснил Софрон, кивнув на берег и горы, голубевшие вдали.

Вскоре с берега послышались голоса и запахло дымом. Навстречу лодке высыпали ороцские ребятишки — все смуглые, с серёжками в ушах. Волосы у них были заплетены в косички. Вперегонку с собаками бросились они к приехавшим. Почуяв чужих, собаки отпрянули в сторону и заились неистовым лаем. Ребятишки тормозили Софрона и исподлобья рассматривали Димку и Шурку. Софрон указал рукой на приехавших:

— Ну, товарищ будет, драться не надо. Гуляй!..

На этом кончились его заботы о Шурке и Димке. Ребята остались на берегу. Они постояли-постояли и медленно направились вдоль берега, разглядывая стойбище.

Орочи жили в шалашах из тонких слег, крытых берё-

стой. Нерпичьи, медвежьи и олени шкуры устлали земляной пол. Около шалашей были сложены очаги из камней. Горячий дым вился над ними, огонь лизал побелевшие от жара камни. Вперемешку с шалашами стояли охотничьи палатки.

Возле одного шалаша на земле стояла берестяная люлька, покрытая вышитой тканью. На дуге из лозы, укреплённой над люлькой, болталось множество побрякушек. За них цеплялся руками, смуглыми от загара и грязи, черноглазый малыш. Радуюсь солнцу, теплу и шуму, он что-то выкрикивал, заливался смехом и пускал пузыри от удовольствия. Мать сидела возле него на корточках и вышивала разноцветными шёлковыми нитками по ровдуге ¹⁾). Время от времени она чмокала губами в сторону малыша; тот тянулся к бусам, блестящим на её шее. В ушах у матери были громадные серебряные серьги, на шее, кроме бус, — медный китайский браслет; подол халата был расшит медными монетками. Ребята смотрели на проворные пальцы женщины. На их глазах ровдуга покрывалась ярким, красивым узором.

Разомлевшая от жары собака лениво оскалилась на ребят, хотела тявкнуть, но вместо этого подошла к люльке, длинным розовым языком лизнула ребёнка в нос. Малыш залился смехом.

Кое-где на высоких шестах были уложены следи, на которых висела рыба. От неё шёл острый запах. Это вялилась на зиму юкола. В стороне от палаток седой старик медленно долбил тополь в два обхвата толщиной. Уже вы-

¹⁾ Ровдуга — выделанная шкура лося.

рисовывались очертания улимагды¹⁾). Старик работал самодельным долотом и подчищал струги узеньким кривым ножом. Мягкие стружки ложились ему под ноги.

Кроме старика, мужчин в стойбище не было — ушли бить рыбу. Женщины варили еду, занимались шитьём. Одна ловко подбирала шкурки по рисунку и цвету. Получался красивый сытку — постельный коврик. Другая набивала полотняный мешок сухой сохатиной шерстью.

Ребята остановились.

— Это что будет? — спросил Димка.

— Подушка будет.

Женщина, которая вышивала ровдугу, пригласила их пить чай, и ребята выпили чаю с тростниковым японским сахаром и вяленой рыбой.

Вечер подкрался незаметно. Вдалеке слышались громкие голоса. Это ловцы вернулись с добычей. Ярче запылали очаги, сильнее запахло дымом. Возле каждого очага кружком уселись хозяева и, перекликаясь, ужинали варёной рыбой, сдобренной соей.

Три дня прожили мальчики в стойбище. Загорели, обветрели, научились играть во все ороцкие игры: тянуться на поясах, прыгать через верёвку и шест. Играли и в ладошки. Эта игра сопровождалась сначала медленным, потом всё ускоряющимся пением. Но слова песни были непонятны и, как потом узнал Димка, впрямь ничего не значили:

¹⁾ Улимагда — долблённая из тополя корытообразная лодка на несколько человек.

А-си-си, а-сим-сий...

Сидайнока бисим-си...

Пробовали гости бороться с ороческими ребятами, но осилить никого из них не могли.

Хотя у всех ороческих мальчиков были тонкие ноги и тонкие руки, а тело сухое и на вид слабое, но они оказывались сильнее не только Димки, но и Шурки.

— Почему это? — спрашивал Димка.

— А потому, — отвечал Шурка, — что они, брат, работают.

И в самом деле, ребята в стойбище не только прыгали через верёвку и ловко тянулись на поясах, но и били рыбу острогой, плели из волоса петли для зверя, волочили через перекаты лодки по каменистому берегу, по корням в лесу искаживали вёрст по тридцать за день.

Захотелось и Димке побывать в настоящем лесу.

Но в лес Софрон гостей не пустил.

— Сейчас охоты нет, — сказал он, — а мальчишка в лес пойдёт — убьёт кого-нибудь. Тогда хозяин леса рассердится, и придётся шамана звать, людей кормить... Нет, лучше в лес не ходить.

Но Димке это показалось обидным. Как это их не пускают в лес? Ведь они не маленькие.

Он вскинул на плечо ружьё и предложил Шурке идти вместе. Шурка, к его удивлению, ответил отказом:

— Сезона нет.

— Ты Софрона боишься! — сказал насмешливо Димка и один отправился в лес.

Опушка тайги подходила к самой реке. Глядя на кусты волчьей ягоды, на низкие деревья рябины и дикой черёмухи, теснившиеся близко к воде, Димка никак не мог себе представить, что это та самая тайга — великий лес, без конца простирающийся на три стороны света: на север, на запад, на юг.

Но чем дальше уходил он вглубь, тем сумрачней становилось в лесу. Ели и пихты заслоняли землю от солнца, и на ней уже не росла трава. А ведь это было совсем близко от стойбища! Ещё сквозь шум деревьев было слышно, как звенит на перекате река.

На всякий случай Димка снял с плеча ружьё и понёс его в руках, держа перед собой наперевес.

Он всё ждал, что вот сейчас вылезет из-за бурелома медведь или прыгнет с дерева рысь, и, насторожившись, округлёнными от ожидания глазами осматривал каждую ветку, каждый куст. Но они никого не прятали.

Один только бурундук встретился ему на пути. Димка узнал его по тёмным полоскам на спине, о которых рассказывал Шурка.

Бурундук чёрными блестящими глазками поглядывал на Димку и вовсе не собирался удирать. Он сидел на задних лапках, а передние сложил на светло-коричневом животе. Пушистый хвост его медленно двигался.

Димка оторопел.

Но стоило ему шевельнуться, как бурундук исчез. Димка не успел даже увидеть, в какую сторону он прыгнул. Только веточка, на которой секунду назад сидел зверёк, раскачивалась перед самым носом Димки.

«Ну и пусть удрал! — подумал Димка, хотя и пожалел, что не выстрелил. — Разве это дичь? Настоящий охотник и пачкаться бы не стал о такую мелочь!»

Крохотная птичка с красной грудкой пролетела мимо Димки и чирикнула. Он цыкнул на неё. Но красногрудая птица ещё несколько раз облетела вокруг, как бы готовая без сил упасть на землю. Димка догадался, что она уводит его от гнезда. И он не стал стрелять: жалко.

Он повернул обратно к стойбищу, так и не встретив в тайге ни одного страшного зверя.

Вдруг что-то бурое замаячило в кустах. У Димки захолонуло сердце:

«Медведь!»

По правде сказать, первое, что ему захотелось сделать, — это удрать с быстротой, на какую только способны были ноги. Но они точно приросли к земле. Он не мог пошевелить ими. Сердце отчаянно колотилось.

Потом Димке стало жарко...

«Кто-то» удалялся от него.

Тогда Димка ощутил прилив отчаянной храбрости. Убегать или дать медведю уйти, даже не поглядев на него вблизи? Димке стало стыдно за свой страх. Он пригнулся к земле, пополз вслед.

Молодая поросль мешала Димке хорошенько рассмотреть предмет своей погони. Но вот они вышли на опушку леса, и Димка увидел, что это человек.

«Вот тебе и раз! — подумал с огорчением Димка. — А почему он на корточках по лесу ползает?»

В это время человек опять нагнулся, потом распрямил-

ся, рассматривая что-то в руках. Вдруг он обернулся и увидел Димку, глядевшего на него. Большими шагами он пошёл прочь, в тайгу. Димка успел лишь заметить, что это был молодой китаец с большим родимым пятном на лбу, одетый в меховую куртку.

Китаец скрылся за деревьями.

Димка не решился преследовать его дальше. Как знать, что это за человек, передвигающийся по лесу на корточках!

Но, вернувшись в стойбище, он тотчас же сообщил Шурке о таинственной встрече в лесу.

Шурка усмехнулся.

— Просто китаец черемшу собирал, — сказал он. — Тут её целая пропасть растёт! — Потом помолчал секунду, что-то соображая, и спросил: — Ты говоришь, у него чёрное пятно на лбу? Это, наверное, Колька-китаец. Он одному старику свою кровь проиграл...

— Кровь?! — испуганно спросил Димка.

— Да, денег у него не хватало: он стал играть на свою кровь, ну значит, на жизнь, что ли... Проиграл. Теперь этот старик с ним делает, что захочет.

— Как так?

— А вот так. Уж я это знаю.

И Шурка рассказал другу, что в посёлке живёт много китайцев и что работают они артелями, а распоряжаются артелями старшины — джангуйды, которые подыскивают китайцам работу, нанимают для них фанзы и за это забирают себе бóльшую долю заработка.

По ночам, когда китайцы не работают, они играют в карты. И карты у них совсем не похожи на наши — в од-

ной колоде штук сто. До самого утра в китайских фанзах светятся огоньки, и часто слышится оттуда шум споров и драк. А если и бывает тихо — значит они курят опиум.

Где берут они этот яд, неизвестно. Только у джангуидов он всегда есть.

Глава седьмая

Неподалёку от стойбища орочи мастерили лодку. Такой Димке ещё не приходилось видеть. Она была сделана из пяти огромных кедровых досок.

— Вот видишь, — сказал Шурка, с гордостью показывая на эти доски почти в метр шириной, — какие у нас деревья растут! А ты как думаешь, что в этой лодке самое интересное?

Димка осмотрел лодку. Нос её был высоко вздёрнут в воздух и с двух сторон защищён широкими досками, точно забралом. Снизу выступало бревно, на котором был сделан помост из досок, точно панцирем одевающий нос лодки.

— Она на рыбу ходит... — неуверенно решил Димка.

— А вот и не это! — сказал Шурка.

— Ну тогда я не знаю.

— В ней нет ни одного железного гвоздя! — торжественно заявил Шурка.

— Врёшь! А как же она держится?

— А её скрепляют деревянными гвоздями. Понимаешь, чем больше она в воде стоит, тем лучше размокает. Если

железные гвозди поставить, они будут ржаветь и воду пропускать. Вот. И называется эта лодка по-орочски — «тымкты».

К вечеру лодка была закончена, и охотники спустили её на воду, чтобы испытать, как она будет ходить в море.

На этой «тымкты» Шурка и Димка уехали домой, привязав к корме свою оморочку.

Ребята взгромоздились на носовой помост лодки. Он высоко поднимался над водой, и на нём было удобно лежать. Мальчики, растянувшись, смотрели в воду. Савелька — молодой ороц, сын Софрона — тоже поехал с ними.

Орочи взмахнули вёслами, и тымкты плавно двинулась по реке. На берегу собралась толпа. Женщины смотрели молча, дети же бежали вприпрыжку вдоль берега и кричали. Потом они отстали. Тымкты вышла на Майдату.

Солнце багровым кругом, почти без лучей, висело над морем. Было тихо-тихо. Словно никогда ветер не залетал в эти края; не шевелясь, стояли деревья по берегам. И вода стала тёмной. Озарённые красным светом заходящего солнца, борта лодки отражались в воде пылающими полосами. Димка взглянул на Шурку. Тот, не мигая, смотрел на солнце, и оно красными точками горело у него в зрачках. Димка толкнул друга под локоть. Шурка обернулся, и огоньки в его зрачках исчезли.

— Ты чего толкаешься? — спросил он с удивлением.

— А ты чего уставился на солнце? — сказал Димка.

— Люблю смотреть на него, когда оно такое. Красиво!

Вдруг нижний край солнца точно кто-то обрезал ножом. Свет стал тусклее. Темнота выступила изо всех уголков и

поползла на реку, на берега, в лес. И Савелька, взглянув вверх, вдруг сказал про солнце:

— Его домой пошёл. Двери закрывай. Его боиса ночи. Спать хочу.

Солнце исчезло. Тотчас же наступила темнота. Лишь на западе в непостижимой высоте пылало багровое облако. Края его колебались, точно вздуваемые ветром. Савелька, теперь совсем невидимый, сказал:

— Это солнце печка топи. Огонь туда ходи. Его тама очень холодно.

Впереди засветились огоньки. Это был посёлок. Тымкты тихо причалила к высокому берегу. Орочи, привязав её к берёзе, свисавшей над водой, отправились к избе Савелия Петровича. А Димка помчался домой.

Стремительно распахнув дверь, он влетел в комнату. Он собирался единым духом рассказать отцу обо всём, что произошло за эти три дня. Но отец был не один. Возле него стоял приказчик Накано с чемоданом в руке.

Димка насупился и прошёл в свою комнату, не ответив на приветствие приказчика. Отец вполголоса говорил:

— Извините, Накано-сан, я сказал, что ничего не возьму. И передайте господину Наяме, чтобы он ничего больше не присылал. Я ничего брать не буду. До свидания, Накано-сан!

Приказчик, пятась, вышел из избы. На пороге он низко поклонился, коснувшись руками колен, и сказал:

— О, я понимаю... обстоятельства изменились. Хоросо!
Димка молча разделся, лёг в постель и сразу же стал засыпать. Сквозь сон слышались ему не то совсем рядом,

не то далеко за бухтой какие-то песни. Кровать покачнулась и поплыла куда-то, разноцветные точки закружились в глазах Димки, понеслись в хороводе, сплетаясь в удивительные узоры.

Глава восьмая

бстоятельства, действительно, изменились. Поутру Димка, выйдя во двор, увидел красный флаг на воротах. Он взглянул на другие дома. И там висели такие же флаги — на углах, на плетнях, на коньках дощатых крыш. Кто повесил их здесь ночью, в бухте Тихой, пока Димка спал? Ведь ещё вчера их здесь не было, ведь ещё староста Чекрыга тут, и начальник белой милиции, и Наяма, и Накано. А флаги висят, и утренний ветер с моря дует на них, распрямляя их складки.

Димка был озадачен. Не мерещится ли это ему, как вчерашнее пение? Но нет. Вон Шурка вышел из дому, умывается из рукомойника, висящего на шесте, вкопанном в землю. Подставил свои чёрные вихры под струю воды, и она льётся ему за воротник. Димка бросился к приятелю:

— Что это, Шурка? Флаги?

Тот мокрой рукой хлопнул его по плечу:

— Красные, Димка, пришли!

— Как пришли?

— А ты ничего не знаешь? — удивился Шурка. — Тебе отец ничего не говорил? А я как пришёл, батька мне всё

рассказал. Мы с ним песни пели. Наша теперь власть! Вчера красные без гудка с парохода сгрузились, белую милицию обезоружили! Чекрыгу-старосту — под замок! И во Владивостоке и по всей России теперь советская власть. Здорово, а? К нам новый начальник милиции приехал, Прокопович. Папка с ним партизанил в Приморье... Сегодня у нас будет митинг. Будут Советскую власть выбирать.

— Значит, теперь Наяме конец? — спросил Димка.

— Конец, — твёрдо ответил Шурка.

Много удивительных событий прошло перед глазами Димки за эти несколько дней. Люди при встречах стали называть друг друга товарищами, собирались у домика милиции, и новый начальник её часто звонил в обрубок рельса, висевший тут же, на низкой ветке сосны. Ту самую минуту, когда установили в бухте Тихой Советскую власть Димка так и не заметил, но всего больше удивило его, что этой властью оказался Савелий Петрович, отец Шурки, лесной объездчик, простой человек, так ловко чинивший старые ружья и замки.

И ещё оказалось, что не только Димке нравился он своим умом и приветливостью, но и всем орочам, и Софрону, и Савельке, и даже китайцам с другого берега реки.

А отца Димки никуда не выбрали, хотя и оставили лесничим. Что и говорить, Димке было немного обидно за отца. Хотелось, чтобы и его любили так же, как Савелия Петровича. Потом, ему ещё очень хотелось знать, что теперь будет с Наямой.

Но ни от кого Димка не мог добиться никакого толку.

Один только Шурка охотно делился с ним всем, что он знал. А знал он, оказывается, много.

— Спрашиваешь, как будет? — с важностью говорил он Димке. — А вот так. Лес теперь сами рубить будем, без Няямы. У Чекрыги невода отберём — артель сделаем. Хищничать никому не дадим. Дела теперь хватит. У батьки народ с самого утра толпится. У меня аж голова заболела.

— Что же это у тебя голова болит? — не без зависти спрашивал Димка. — Ведь народ не к тебе ходит, а к председателю, к Савелию Петровичу.

— А потому, — отвечал Шурка вполне рассудительно, — что председатель-то он председатель, а объездчика другого у нас пока нет. Вот мы с батькой и пойдём завтра искать тайные лесосбросы.

И впрямь, Шурка с отцом ушли наутро в тайгу.

А Димка до полудня бродил по берегу. Ах, и ему хотелось, чтобы от дел у него, как у Шурки, болела голова и чтобы в их домике толпился целый день народ!

Но, как назло, голова не болела нисколько и дел никаких не было.

Глава девятая

Перевалив через утёс, Савелий Петрович решил идти берегом. Снизу были видны спуски, по которым хищники скатывают в море лес.

Часа полтора шли отец с сыном, перелезая через валуны и горы валежника, намытого прибоем. Возле крайнего мыса Пундык ещё издали увидел огромную кучу брёвен, громоздившихся друг на друга, сползавших в море. На прибое покачивались отдельные брёвна; они то отходили от берега, увлекаемые волной, то, окружённые шипящей пеной, неслись к нему, словно не желая расставаться с родной землёй.

Пундык взглянул вверх.

В этом месте скалы достигали метров трёхсот в высоту и разделялись узким ущельем — естественным скатом. Дно ущелья было устлано изуродованными, ободранными; разбитыми в щепки деревьями. Шурка удивился. Савелий Петрович объяснил, что хищники не заинтересованы в сохранении леса: если из каждых ста брёвен, сброшенных в море таким образом, останутся в целости хотя бы сорок—пятьдесят, то ничтожные затраты оправдываются с лихвой.

Спуск казался безлюдным. Но по необсохшим ссадинам на брёвнах было видно, что они сброшены недавно. А на самом верху стояли штабеля, приготовленные к сброске.

Пользуясь брёвнами как ступеньками, Савелий Петрович стал подниматься по ущелью вверх. Шурка едва поспевал за ним.

Вдруг над обрывом показалось увесистое бревно. Оно на секунду повисло в воздухе, потом, тяжело перевалившись, обрушилось вниз. Сначала медленно, затем всё быстрее, делая громадные скачки, теряя куски коры и щепки, бревно покатило по спуску.

Савелий Петрович побледнел. Отскочив в сторону, он прижал к себе Шурку и вместе с ним втиснулся в углубление скалы. Бревно со свистом промчалось мимо них и, гигантским скачком, перелетев через всю кучу леса, лежавшего на берегу, ударилось о воду, подняв тучу брызг.

Савелий Петрович выглянул из своего убежища. Шурка потянул его за руку:

— Не надо, это сверху нарочно бросают!..

И, точно подтверждая его слова, вниз ринулся целый штабель. Шурке было видно, как он, словно нехотя, пополз вниз. Сперва покатались верхние брёвна, потом весь штабель, разваливаясь и теряя форму пирамиды, понёсся к морю. Савелий Петрович прижался к скале и прикрыл своим телом сына.

Ущелье наполнилось грохотом, куски коры и щепки закидывали обоих. Савелий Петрович не обращал внимания на ушибы и только защищал руками голову да поглядывал, выдержит ли каменный козырёк, под которым они укрылись.

Когда грохот утих, Пундык осторожно высунул голову из-под прикрытия и, вынув из кармана револьвер, стал внимательно разглядывать штабеля. Возле одного из них показался человек, который, очевидно, смотрел, уцелел ли объездчик. Савелий Петровичу его фигура показалась знакомой. Она напомнила ему Саканами — того самого человека, который уже однажды ударил его ножом.

Савелий Петрович подумал-подумал, потом кивнул Шурке:

— Пошли, хлопчик, домой! Сейчас сюда не сунешься —

убьют. Место я запомнил. Подождём, когда сюда придёт их лесовоз, — тогда хищников и накроём.

Савелий Петрович и Шурка, осторожно выбравшись из укрытия, отправились домой.

Глава десятая

Прошёл целый месяц.

Димка всё сильнее привязывался к своему приятелю. Всей душой завидовал он его ловким рукам, способным ко всякому делу, и его проворной, как у орочей, походке.

Димка старался подражать своему другу, и это удавалось ему неплохо. Научился он, например, так же неутомимо бегать по тайге, и ноги, натруженные на кочках и пнях, теперь уже не болели, как прежде; научился ловить рыбу в протоках, находить дорогу домой и отличать зов кукушки от крика дикого голубя.

Одно было плохо: как ни старался Димка уходить подалее в тайгу, ни одного опасного и таинственного приключения с ним не случилось, и никак не мог он доказать Шурке, что, так же, как все, любит он и красные флаги над бухтой, и Советскую власть и готов сделать для неё что-нибудь хорошее и смелое.

Для того же, чтобы ходить за брусничкой на ближнюю сопку или собирать морские звёзды среди скал, не требуется никакой смелости.

И Димка был уже готов примириться со своим печаль-

ным положением, когда однажды Шурка, прибежав к нему под вечер, вызвал его из дому и взволнованно сказал:

— Колька-китаец приехал в Тихую.

— Какой Колька?

— Тот, который свою кровь старику продал! — шёпотом ответил Шурка. — Помнишь, ты его в тайге встретил?

Димка отлично всё помнил, но всё же не мог понять возбуждения друга.

— Так что же из того? — спросил он.

— А то, — ответил Шурка, — что я его выследил. Он к Ван Су-лину, огороднику, ходит. У Вана в фанзе опиум курят. Я сам подглядел. Было там человек десять китайцев-рабочих. Все курили, а Ван не курил. Вот старый чёрт — рабочий народ мучает! И откуда он только опиум берёт? Вот узнать бы! Батка бы спасибо сказал и Прокопович тоже.

— А если узнаем, Советской власти будет от этого польза? — спросил Димка.

— Будет, — ответил твёрдо Шурка. — Мы, брат, против этого.

— Тогда ладно, пойдём к фанзе Ван Су-лина, — так же твёрдо ответил Димка и на всякий случай спросил, следует ли брать с собой ружьё.

Теперь каждый вечер, едва опускалась на посёлок темнота, казавшаяся ещё гуще от мерцанья керосиновых ламп в домах, ребята отправлялись вверх по косоугору, мимо домиков русского посёлка. Шли не по тропинке, а по пожарищу, прятались за обгоревшими пнями, как только до них доносились голоса людей или шаги. Когда в темноте неясно

вырисовывались низкие фанзы китайской слободки, ребята начинали двигаться ползком, затаив дыхание, и лишь у фанзы Ван Су-лина, прижимаясь к завалинке, переводили дух.

Примыкавший почти вплотную к фанзе холм позволял им оставаться в засаде незамеченными.

В фанзе Вана обычно было тихо. Лишь иногда хлопала входная дверь, слышались шаги и голоса. Ребята внимательно вслушивались. Они вытащили из паза в стене кусок пакли и могли видеть, что происходит внутри.

Три вечера подряд наблюдения не принесли ничего интересного. Входящие к Вану получали на свой заискивающий вопрос сердитый ответ и быстро уходили. Ребята догадались, что у Вана кончился опиум и потому гости у него не задерживались. У Димки начинал пропадать всякий интерес к слежке. Не раз ему хотелось сказать: «А не плюнуть ли на это дело?»

Но отстать от товарища не хотелось. Было перед Шуркой стыдно.

На четвёртый вечер, когда у Димки уже слипались глаза, дверь фанзы хлопнула сильнее обычного. Ребята встрепнулись. Вошедший повернулся к свету. Это был Колька-китаец.

Ван быстро заговорил с ним. Можно было догадаться, что он сердится. Колька нерешительно оправдывался, потом поднял куртку.

На голом теле Кольки ребята увидели широкий чёрный пояс с туго набитыми кармашками. Ван принялся лихорадочно вытаскивать из пояса одну за другой спичечные ко-

робки, в которых были какие-то плитки, обёрнутые свинцовой бумажкой.

Ван развернул одну такую плитку, и в его руках оказалась золотистого цвета пластинка, которую он размял пальцами. Отделив от пластинки маленький кусочек, Ван наколот его на кончик иголки, потом зажёг маленькую медную лампочку, взял в рот трубку с толстым мундштуком и, держа иглу между огнём лампы и чубуком, затянулся. Колька терпеливо дожидался. Ван медленно сделал несколько затяжек и наконец довольным голосом сказал: «Хао!» — хорошо.

Шурка обернулся к Димке:

— Ты видишь, Колька ему принёс опиум! Значит, он у него где-то недалеко.

Ребята поудобнее устроились на завалинке и продолжали наблюдать. К счастью, вся ночь была в их распоряжении, так как Димка ещё с вечера отпросился у отца к Шурке, а Савелий Петрович ушёл на охоту с ночевой.

Ван ещё долго бродил по фанзе. Он насыпал в один мешочек муки, в другой — китайского проса — чумизы, сунул туда несколько связок чесноку, спичек, четверть с бобовым маслом, бутыл с соей, потом оглядел фанзу, как бы соображая всё ли положено, и потушил лампу. Уже в темноте ребята услышали скрип низких нар: Ван глубоко вздыхал и кряхтел, устраиваясь на них поудобнее.

Ребята тоже задремали на завалинке.

Было по-утреннему прохладно и пасмурно, когда их будили голоса в фанзе и хлопанье двери. Ребята вскочили, протирая слипающиеся глаза. Они услышали приглушённо-

ные голоса. Друзья замерли. В нескольких шагах от них стоял навьюченный мешками Колька-китаец. Ван поправил ему лямки, что-то сказал, и Колька пошёл по тропинке вниз к реке. А Ван вернулся в фанзу. Как только за ним захлопнулась дверь, продрогшие ребята бросились вслед за Колькой. Он сел в свою лодку.

Через несколько минут друзья были уже в оморочке и беззвучно погнались её вслед по тёмной воде.

Отъехав километра три вверх по реке, Колька свернул в протоку, где течение было тише. В утреннем воздухе далеко разносились скрипение уключин и всплески воды. Димка и Шурка порядком устали. Несколько раз они теряли Кольку из виду — китаец грёб не останавливаясь. Поездка казалась бесконечной, как вдруг скрип впереди прекратился, лодка зашуршала о прибрежную гальку. Притаившись, ребята увидели, что Колька вытянул лодку на берег, затащил её в кусты и прикрыл травой и ветками. Когда китаец, вскинув мешки на плечи, двинулся в глубь тайги, друзья также вылезли на берег и, подражая ему, спрятали оморочку в кустах, затем бросились в погоню.

Шурка бежал впереди. Он хорошо знал тайгу. И там, где Димка не видел ничего, кроме кустов и травы, такой же, как везде, Шурка находил след — сорванные листья, обломанные ветки, втоптаный в землю мох — и по этим приметам безошибочно шёл за Колькой.

Уже совсем рассвело. Димке и Шурке приходилось теперь идти нагнувшись, перебегая от дерева к дереву, потому что Колька часто оглядывался и шёл осторожно, чтобы не сильно мять траву.

— Ишь ты, следы замечает! — пробормотал Шурка.

Сам он то и дело заламывал ветки, чтобы заметить дорогу. Где они находились сейчас, ребята не могли определить. От непривычно быстрой ходьбы и долгой гребли у них болели руки и ноги. Но вот деревья впереди поределели, и Колька вдруг исчез из виду.

Пройдя ещё немного, ребята остановились.

Вместо густых зарослей, через которые они только что пробирались, перед ними расстилалась большая поляна. Стройные маки сплошь покрывали поляну. Огромные белые лепестки прекрасных цветов слабо колыхались от лёгкого ветерка. Кое-где в пышную массу белых были вкраплены нежно-голубые и совсем редко — красные цветы, особенно яркие на этом белом поле.

Это была маковая заимка.

На краю поляны чернела бревенчатая фанза. Возле неё они снова увидели Кольку. Друзья подкрались поближе и притаились в траве.

Колька уже успел сбросить с себя мешок и снял свою куртку — курму. По пояс голый, он расхаживал по земляной площадке перед фанзой и хлопотал по хозяйству: разжёг в кирпичном очаге огонь, достал из бочки воды, в глиняном горшке замесил тесто и приготовил из него маленькие хлебцы-пампушки. В большом котле закипела вода. Накрыв котёл деревянной решёткой, Колька положил на неё пампушки и прикрыл сверху чугунной крышкой.

Вскоре из фанзы послышался сердитый кашель, и в дверях показался другой китаец — старик, должно быть, хояин. Он тоже был по пояс голый, с нависшими бровями и

злобным измождённым лицом. Старик принялся кричать на Кольку, сердито громыхая какими-то медными чашками, тазом. Вид у него был неприглядный: скулы и подбородок резко выступали вперёд, глаза, глубоко ввалившиеся и окружённые коричневыми кругами, были тусклы, седая щетина покрывала его голову и клочками торчала из ушей и на кадыке. Громадный белый шрам с лиловатыми краями тянулся от подмышки через живот до бедра. При ходьбе шрам то сокращался, то вытягивался, как змея. Руки у старика были крепкие, жилистые, и, когда он что-нибудь делал, узлы мускулов, как мыши, бегали у него под кожей. Он, вероятно, был очень силен. Колька со страхом слушал старика. Видно, не сладко жилось ему у хозяина.

— Вот попадись такому в руки! — испуганно прошептал Димка.

До полудня друзья лежали в траве. Теперь они ничего предпринять не могли: либо старик, либо Колька всё время находились на площадке.

Китайцы варили себе пищу. Сняв пампушки, они поставили на огонь ещё какое-то варево. Вкусный запах донёсся до ребят. Друзья уже изрядно проголодались, но еды у них не было. Сильно хотелось есть. Димка шарил в карманах, собирал засохшие крошки и бросал их в рот. Шурка не сводил глаз с фанзы.

Там уже обедали.

Поев, старик отбросил в сторону чашку и палочки, которыми пользовался при еде, и, захватив из фанзы маленький нож с двумя лезвиями и жестяную банку, пошёл к макакам. Колька поплёлся за ним. Старик ходил по рядам и про-

ворно разрезал ножом коробочки — головки отцветшего мака, а Колька, идя за ним следом, пальцем собирал в банку беловатый сок, выступавший из надрезов.

Солнце стало припекать. Голые спины макосеев покрылись испариной. Они обошли уже четверть поля. Старик ворчливо показал рукой на солнце и направился к фанзе. Колькой он был недоволен и опять принялся кричать на него. Потом, схватив корзину, сунул её в руки Кольке, и тот, накинув на себя курму, поспешно скрылся в лесу. Едва Колька исчез за деревьями, как старик залез в фанзу и больше оттуда не показывался.

Немного подождяв, Димка подполз к фанзе. Услышав прерывистое, свистящее дыхание старика, Димка шепнул приятелю:

— Спит, старый чёрт... Что будем делать?

— А вот посмотри — что! — сказал Шурка.

Он кинулся в кусты, быстро вырезал себе крепкий, гибкий прут и налетел на маки. Димка последовал его примеру. Прутья со свистом рассекали воздух. Ребята носились по полю, рубили маки направо и налево. Белые, красные и голубые цветы валялись, как подкошенные. Шурка при каждом взмахе кричал от удовольствия, однако не забывал то и дело оглядываться на фанзу.

Димка же воображал, что перед ним враги, а он — предводитель армии. И он не оглядывался назад.

— Вперёд, рыцари! — шептал он. — Алая роза! Смерть неверным!..

Ребята устали и едва шевелили руками, когда под их ударами повалился последний ряд маков.

Ещё недавно гордо высившиеся цветы, пламеневшие в лучах солнца, лежали теперь на земле, сломанные и растоптанные. Казалось, над полем пронёсся тайфун. Но ребятам и этого было мало. Димка принялся таскать на поле хворост. И хотя вовсе не следовало этого делать, чтобы не разбудить старика, но Шурка поджёг сухие ветки, и ребята отбежали в сторону — посмотреть, как будут гореть маки.

Белый дым пополз по сырым стеблям, прижимаясь к ним, обволакивая их. Жёлтенькое пламя пробежало, точно торопясь куда-то, пропало, появилось снова, выглянуло сразу в нескольких местах. Его языки протянулись друг к другу и затанцевали на маках, пробираясь всюду. Маки шипели, трещали, корчились, словно пытались встать. С глухим шипением лопались зелёно-жёлтые коробочки.

Вдруг из фанзы послышался сухой кашель. Ребята опрометью бросились в кусты. Старик, позёвывая и почёсываясь, вышел из фанзы. Прищурившись, он посмотрел на солнце и, прикрыв глаза рукой, перевёл взгляд на поле.

Сначала он как будто не поверил своим глазам, заморгал, точно прогоняя сон. Потом лицо его исказилось. С ругательствами кинулся он к кучкам хвороста и маков и стал разбрасывать дымящиеся стебли. Он обжигал себе пальцы, отламывал головки маков, злобно плевался, поднимая вверх руки. Слёзы от ядовитого дыма и ярости текли у него по щекам. Немного опомнившись, он побежал в фанзу, выскочил оттуда с широким кухонным ножом и принялся срезать им головки маков. Но большинство их опалил огонь, они почернели и стали хрупкими. Потом старик вскочил, по-

стоял немного, раздумывая, и вдруг, размахивая ножом, побежал в том направлении, куда ушёл Колька.

Как только старик скрылся за деревьями, ребята вышли из своего убежища. Они чувствовали себя победителями. Димка пустился в пляс, крича во всё горло «ура», пока Шурка, более осторожный, не толкнул его изо всей силы в бок.

— Тише ты, — сказал он, — не ори! Услышат. Улепёвывать надо отсюда, пока китайцы не вернулись. Застанут нас — добра не будет.

Но Димке не хотелось уходить. Он предложил заглянуть в фанзу.

Между тем солнце клонилось уже к сопкам. Косые тени от деревьев потянулись по разорённому полю. Небо на востоке стало меркнуть. Со стороны реки потянуло вечерней сыростью.

Шурка посмотрел на друга, поколебался секунду, оглядывая фанзу со всех сторон, и шагнул на порог.

В нищенски обставленном жилище макосеев они нашли немного: китайские лепёшки, посуду, палочки для еды, лежащие на полке. Димка хлебнул чего-то из бутылки, стоявшей в углу, и брезгливо поморщился. Жидкость сильно отзывалась свеклой. Это была лёза — свекольный сироп, которым разбавляют опиум. Под грудой одеял ребята нашли несколько спичечных коробок, наполненных порциями опиума, завёрнутого в пергаментные бумажки.

Наткнувшись на медные чашки, в которых варился опиум, Димка раскидал их ногами.

Наконец Шурка заторопился.

Димка на этот раз послушно пошёл за ним, но вдруг остановился:

— А что, если мы фанзу запалим? — сказал он. — Вернутся макосен — ни маков, ни фанзы. Вот запрыгают!

— Эх ты, голова! — рассудительно сказал Шурка. — Спалить фанзу недолго, да зачем? Она пригодится кому-нибудь.

Но тут же новая мысль озарила Димкину голову:

— Тогда знаешь что? Тогда не будем никому говорить об этой фанзе. На охоту пойдём — здесь охотничий домик устроим, почистим её как следует, книг сюда притащим, провизии.

— Так тебя китайцы и пустили сюда!

— Значит, пропадать фанзе? — Димка огорчился.

— Зачем пропадать? Батьке скажем, он уже придумает, что с ней делать. Может, и нам отдаст, когда макосеев отсюда выкурит.

— Вечно ты по-своему хочешь сделать! — обиделся Димка.

— А ты предложи что-нибудь дельное — по-твоему будет! — возразил ему Шурка и направился быстрым шагом к лесу.

По заметкам, оставленным Шуркой, друзья шли не останавливаясь. Стемнело. Очертания деревьев стали сливаться. Листва казалась чёрной. Но Шурка безошибочно отыскивал среди кустарника заломы на ветвях.

Их оморочка лежала, никем не потревоженная, на старом месте.

Ребята уселись в оморочку.

— Шурка, давай угоним Колькину лодку! — сказал Димка, почти не надеясь на успех своих слов.

Но неожиданно Шурка согласился.

Ребята снова вылезли на берег, вытащили из кустов неуклюжую китайскую лодку и столкнули её по обрыву вниз. Лодка тяжело плюхнулась в протоку, обдав брызгами Шурку.

— На буксир возьмём? — спросил Димка.

— На что она нам? Пусть вниз плывёт! — ответил маленький Пундык. — Старьё!

Покачиваясь, тихонько поплыла по тёмной воде протоки Колькина лодка. Она ткнулась сначала в берег, потом медленно отошла от него, остановилась, точно не зная, куда идти, и пошла по течению, туда, где чуть слышно журчал перекал.

Ребята выехали на Прямую протоку и в два весла погнали свою оморочку. С тихим шелестом проносилась она мимо низких берегов.

Вдруг Шурка прислушался и знаком предложил Димке перестать грести. Димка послушно поднял весло в воздух.

Вода донесла до их слуха частые сильные всплески. Кто-то ехал с верховьев. Шурка повернул оморочку к берегу.

— Обождём. Как бы на кого не нарваться.

Они спрятались в тени ивняка.

— На оморочке едет... Здоровый мужик. Ишь как выгребает! Кто же это такой? — шёпотом сказал Шурка.

В просветах между ветвями ивняка замелькала стремительно несущаяся оморочка. Сидевший в ней грёб ровными, сильными взмахами. Он точно сросся с лодкой, сидя непо-

движно, только руки его попеременно то сокращались, то вытягивались, когда он погружал весло в воду.

Лёгкое судёнышко промчалось мимо притаившихся ребят. Шурка прищурился, увидев низкую посадку оморочки и фигуру гребца.

— С кладью едет. Знакомый кто-то! — Потом вдруг сообразил: — А ведь это мой батька! Ей-богу! Видно, с хо-рошим полем. Наверно, кабана убил. А ну — нажмём!

Услышав всплески вёсел, Савелий Петрович — Шурка не ошибся — перестал грести и поджидал нагонявших. Шурка ещё издали закричал ему:

— С полем тебя, папка!

Савелий Петрович негромко отозвался:

— Тише, хлопчик, не шуми!

— Чего убил? — спросил Шурка, подъезжая.

— Не «чего», а «кого». Убил, да не я.

— Как так?

— А так! Вот, в чекрыгинской протоке подобрал чело-века. Совсем было захлебнулся. Вот в больницу везу. От-делали его крепко!

— А кто это?

— Не знаю.

Поровнявшись с оморочкой отца, Шурка поспешно за-жёл спичку и осветил лежавшего. Неровное пламя выхва-тило из густого сумрака страшное лицо: перепутанные, слипшиеся волосы, судорожно закушенные губы, запухшие глаза, глубокие раны на шее и родимое пятно на лбу. Не-смотря на то, что черты лица были сильно искажены, ребя-та в один голос вскрикнули:

— Колька-китаец!.. Это его старый чёрт так отделал!

— А вы откуда его знаете? — спросил Пундык.

Ребята наперебой принялись рассказывать Савелию Петровичу о событиях прошедшего дня. Объездчик слушал их, время от времени качая головой. Когда ребята замолчали, Савелий Петрович сказал с укоризной:

— Э-эх, хлопчики! Не с того конца взялись за дело. Надо было меня предупредить. Глядишь, обошлось бы без крови. Может, этот молодец не по своей воле связался со стариком, в кабалу попал... Трудно ли человека загубить!

Ребята молчали. Может быть, и в самом деле они поступили не так.

Торопясь доехать китаецца до больницы, Савелий Петрович принялся сильно грести вниз по течению и, навёрстывая упущенное время, погнал оморочку вдвое быстрее.

Мальчики последовали за ним.

Облава, проведённая на другое утро, оказалась безрезультатной, хотя Прокопович и старый Пундык обшарили всю маковую заимку. Старик-китаец исчез.

Тогда все направились к Вану.

Тот, не показывая виду, что испытывает страх, разрешил войти в свою фанзу. Низко кланяясь, китаец принялся уверять, что никогда в жизни не торговал опиумом.

Начался обыск. Опиума, и верно, не нашли. Но пять трубок и пять ламп, найденные в разных местах фанзы, уличили его.

Кроме Вана, в фанзе оказался ещё один китаец, старик, спавший в углу под целой грудой тряпья и одеял.

— Это папка мой. Старика... — сказал Ван. — Скоро

помирай! Старика разбудили, стали расспрашивать, но он тряс головой и показывал на уши, будто ничего не слышит.

Савелий Петрович велел войти в фанзу Шурке с Димкой.

— Не этот ли, хлопчики, ваш знакомый? — спросил Савелий Петрович.

— Он самый! — ответил Шурка.

И тут, забыв про свою глухоту, старик заявил, что видит мальчиков впервые.

Тогда ребята попросили его раздеть. Старик стал вырывать. Но его раздели, и все увидели страшный шрам.

Пришлось устроить им очную ставку с Колькой-китайцем. Тот обладал поистине богатырским здоровьем и, придя в себя, уже мог разговаривать и двигаться. Полный зла на своего бывшего хозяина, изувеченный им, он сразу же выдал обоих: и Вана и старика. И при этом Колька рассказал, что старик был раньше в Маньчжурии разбойником-хунхузом, убивал искателей драгоценного корня женьшеня, на золотоискателей охотился, а как стар стал — принялся за добычу опиума.

Старика и Вана отправили во Владивосток.

Глава одиннадцатая

Погода испортилась. Холодный северный ветер всё чаще налетал на посёлок. Он мчался по улицам, гоня перед собой пыль и гусиные перья, неведомо откуда взяв-

шиеся, раскрывал берестяные рыбачьи шалаши, стоявшие на берегу. Берёста отставала от жердей и трещала, как пулемёт. А один шалаш ветер снёс в реку, и шалаш поплыл, медленно погружаясь в воду.

В домах стали ежедневно топить печи.

Сизые дымки из труб метались над крышами, и ветер, будто злясь, что его не пускают в тепло, загонял их обратно в трубы, стучал выюшками, на разные голоса завывал под окнами.

Тайга стала неприветливой.

С жалобными криками потянулись к югу птицы. Гуси и утки летели большими стаями. И собаки, слыша свист их крыльев, их крики, поднимали вверх морды и тявкали. Иногда они выли, будто на них находили припадки беспричинной тоски. Тогда они убегали к реке, садились там, поджав хвосты, на берегу и подолгу, не мигая, смотрели на холодную воду. Потом, словно что-то вспомнив, бежали домой, скулили и царапались в двери.

Непогода загнала в дом и ребят.

Охотничий сезон кончился. В лесу делать было нечего. На реке стало холодно и неудобно.

Димка, забросивший было свои книги, вернулся к ним. Они по-прежнему стояли в порядке на полочке, укреплённой над его кроватью. Как давно он не прикасался к ним! Тут были и Гюго, и капитан Марриэт, и Луи Жаколио, и Луи Бусенар, и Поль д'Ивуа, и Жюль Верн — все в одном ряду. Но читать эти книги одному, без Шурки, показалось ему теперь невозможным.

Закрыв глаза, Димка взял толстую книгу — первую по-

павшуюся ему под руку. Это был «Айвенго» Вальтер Скотта. Зажав книгу под мышкой, Димка отправился к Пундыкам.

Те сумерничали. Комната озарялась только светом пылающих в печи дров. Этот неровный, мерцающий свет менял привычный облик вещей и придавал какую-то необычность всему вокруг. Ребята уселись перед открытой дверкой печи. Савелий Петрович тоже подсел к ним.

Димка читал вслух. Читал он хорошо, неподдельно переживая приключения героев. Иногда он даже захлёбывался и принуждён был переводить дух. Его волнение передалось и Шурке — и даже Савелию Петровичу.

Жизнь, о которой читал Димка в книге своего любимого писателя, была чужда им и непонятна, но мужество и смелость героев неизменно восхищали их.

Когда чтение было закончено, Шурка немного помолчал, чтобы скрыть волнение. Потом, вспомнив что-то, он вдруг рассмеялся.

— Теперь я знаю, откуда ты, брат, рыцарей берёшь! Всё рыцари да рыцари! Я думал — он тронутый, рехнулся немного, а он, значит, всё ещё играет, маленький!

Димка покраснел. Но Савелий Петрович сказал успокоительно:

— Отчего же, если человек ничего плохого людям не делает, можно и рыцарем быть. Каждый за своё счастье сражается. И мы, брат, за своё счастье сражаемся. Дело это не простое. По-моему, Пугачёв тоже рыцарь был, только русский.

Димка торжествующе поглядел на Шурку.

С этого вечера Шурка стал относиться к книгам менее пренебрежительно, чем прежде, и друзья всё чаще стали читать вместе.

Глава двенадцатая

П одкрадывалась зима.

Пароходы из Владивостока стали приходиться реже.

Утренние заморозки становились всё крепче, иней не сходил с звенящей земли и с деревьев до самого полудня.

С последним пароходом из Японии прибыла партия рабочих для изыскательских работ на новых участках, подготовливаемых к летнему сезону.

Бывший староста Чекрыга попросился их сопровождать в этой экспедиции. Неутомимый охотник, он был лучшим знатоком окрестностей, и новоприбывшие недаром выбрали его.

Отправляясь в тайгу, Чекрыга зашёл к лесничему и попросил карту-двухвёрстку. Тот охотно дал её, извинившись за небрежность, с которой она была выполнена.

— А мы её уточним! — сказал Чекрыга и ушёл.

Узнав об этом, Пундык неодобрительно покачал головой:

— Зачем им ваша карта, Дмитрий Никитич? В концессии есть не хуже.

У Савелия Петровича Чекрыга тоже побывал и попросил сменить боевую пружину в его берданке. Когда работа

была окончена, он, поглаживая свою рыжую бороду, принялся расхваливать умение Савелия Петровича, а под конец вскользь посоветовал ему далеко от посёлка не отходить.

Савелий Петрович напрямик спросил, что он имеет в виду.

Не смущаясь, Чекрыга ответил:

— А ушибиться можете как-нибудь. Некоторые плохо работают, штабеля кладут хлипко — чуть тронешь, рассыпаются брёвна.

Савелий Петрович насторожился. Он никому не рассказывал о случае на тайном лесоспуске, когда хищники сбросили на него с сыном целый штабель леса.

«Эге, — подумал он о Чекрыге, — видно, он одного с ними поля ягодка! Иначе откуда бы ему про это знать?»

Но вслух Чекрыге ничего не сказал.

Через несколько дней перед рассветом Савелий Петрович услышал короткий отдалённый гудок. Тотчас же вскочив с постели, он разбудил Шурку:

— Идём, хлопчик!

Савелий Петрович зашёл к Прокоповичу и взял у него катер. Через полчаса вместе с Шуркой они были на том месте, где когда-то под крутым спуском нашли тайный лесосброс.

Там шла горячая работа. Грохот сбрасываемых штабелей заглушал стук мотора на катере Савелия Петровича. Километрах в трёх от берега стоял слабо освещённый, без опознавательных огней, японский пароход.

Пришвартовавшись к борту, Савелий Петрович вбежал

по трапу на палубу. Его обдало сладковатым отработанным паром, клубившимся у лебёдок. Грузчики, с протяжными криками принимавшие лес на борт, не обратили на Савелия Петровича внимания. Воспользовавшись этим, объездчик беспрепятственно добрался до рубки и неожиданно предстал перед капитаном.

Пожилой моряк с седой щетиной вытаращил на русско-го глаза, удивлённый его появлением на судне.

Объездчик потребовал судовые документы. Капитан безропотно вручил их.

Больше Савелию Петровичу на пароходе было делать нечего. Он спустился на катер, где его с беспокойством ждали моторист и Шурка, судорожно сжимавший в руках винтовку и готовый броситься на помощь отцу. Ни Шурка, ни сам Савелий Петрович не думали, что дело кончится так быстро и без всяких уловок со стороны пойманных на месте преступления хищников.

Катер понёсся к берегу. Там тоже кипела работа. Сновали люди; падали в воду кедровые брёвна, вздымая фонтаны брызг; лязгали кольца на тросах; стучали моторы катеров. А рассвета всё ещё не было. И на берегу горели костры. Пламя их то стлалось по земле, то взвивалось высоко вверх, освещая красные утёсы, чёрные волны прибоя и фигуры людей на лесоспуске, длинными баграми направлявших мчащиеся вниз брёвна. Кольцовщики вылавливали брёвна из воды, сбивая их в плоты, а катеры буксировали эти плоты к пароходу.

Савелий Петрович выстрелил в воздух. Огни костров осветили его белый катер, блики заиграли на волнах. Люди

на берегу побросали работу, шум понемногу утих. Объездчик приказал кунгасам и катерам вернуться к пароходу.

Появление надзора было неожиданным. Повторять приказание Савелию Петровичу не пришлось. Катера направились к пароходу, оставляя на тёмной воде светящийся след. Савелий Петрович оставил на берегу своего моториста и Шурку, чтобы они следили за кольцовщиками.

А сам Савелий Петрович конвоировал японские катера до парохода и проследил за их погрузкой на борт. Затем, не поднимаясь на судно, он вызвал к борту капитана и приказал ему отправляться на север, в Красную гавань. Там капитану предстояло заплатить штраф за заход в советские воды без разрешения и получить обратно судовые документы. Капитан кивнул головой и отдал приказание. Зашумели машины. Пароход стал медленно разворачиваться. Волны побежали от его кормы.

Стало светать. Пундык прочёл на чёрной корме парохода написанное белыми буквами название: «Иена-мару». Но вместо курса на север «Иена-мару» повернул вдруг на восток и полным ходом направился в открытое море.

Савелий Петрович спохватился, но было уже поздно. Он развернул документы, отданные ему капитаном судна. Они были написаны на имя «Куроода-мару». И, поняв тотчас же, что он обманут самым ловким образом, Савелий Петрович, чертыхаясь, направил свой катер к берегу.

Хищники, оставшиеся у лесоспуска, толпились у погасших костров. Японцев, продрогших от свежего утреннего ветерка, взяли на борт катера. Тут, к своему удивлению, среди низкорослых японцев Савелий Петрович заметил рос-

лѳѳѳ, с рыжей бородой русского. Это был Чекрыга. Он спокойно раскланялся с Савелием Петровичем и сказал ему:

— Доброе утро!

Савелий Петрович сухо поздоровался и решил, что это дело даром Чекрыге не пройдёт.

Но Чекрыга стал жаловаться, что его обманули и что лучше всего было бы ему, старому зверолову, заниматься только охотой.

Глава тринадцатая

Иена-мару» точно увёз с собой хорошую погоду. Скоро повалил снег. Завыла пурга, с яростью заметая тропинки и дома. Река Тихая лениво катила свои холодные воды, готовая сдаться зиме в долгий плен. Полоса штормов, шедшая от Владивостока, трепала в поле пароходы, покрывала их ледяной коркой.

Ветер вздымал огромные волны в бухте и ряд за рядом гнал их на обледеневший и застывший берег. С рёвом сбрасывая на камни свои белые шапки, отмечали они водорослями и клубящейся пеной границу нападения. Но, не в силах сокрушить землю, они отходили — только для того, чтобы дать место ещё более высоким и более страшным волнам. Неведомо откуда принесённые брёвна, щепа, с корнями выхваченные из земли деревья сталкивались в воде, ломались, усеивая берег обломками; едва коснувшись земли, они покрывались ледяной коркой и застывали

несокрушимой стеной. И каждая новая атака моря делала эту стену ещё толще, ещё твёрже и непрístupней.

Однако, несмотря на холод и ярость шторма, на Поворотном мысу день и ночь дежурили посельчане. Они то неподвижно стояли, всматриваясь в горизонт, то принимались прыгать и бегать, чтобы отогреть замерзающие ноги. Напряжённо следили они, не покажется ли в сером тумане пароход.

Наконец он пришёл, но шторм держал его вдалеке от берега.

Посельчане раскладывали огромные костры, озарявшие ночью темноту и показывавшие пароходу место выгрузки. Днём в костры подбрасывали сырых ветвей, и густой дым высоко вздымался в небо, распускаясь там чёрным облаком. Оно было видно издалека.

А в море, то приближаясь, то удаляясь, боролся с ветром и волнами пароход. Время от времени, как от пушечных выстрелов, вспыхивали над ним блестящие клубы белого пара. До людей долетали гудки, чуть слышные, прерывистые. Иногда пароход высоко поднимался над волнами, и тогда его чёрные трубы и мачты ясно вырисовывались на сером небе; иногда исчезал, зарывшись в волны.

Несколько раз подходили кунгасы с парохода к бару. С кунгасов кричали что-то, но голоса людей терялись, заглушаемые ревом шторма. Выброшенные канаты не долетали до берега, и подойти для выгрузки не было возможности. Гибель грозила кунгасам каждую минуту, и рулевые поворачивали назад.

Шесть суток маячил пароход на горизонте. А шторм

не утихал, и ветер всё нёс над водой клочья облаков и снежную крупу.

На седьмую ночь огоньки корабля стали удаляться к югу. Долго виднелись они стоявшим на берегу. Потом исчезли.

Все поняли, что парохода до весны нечего ждать.

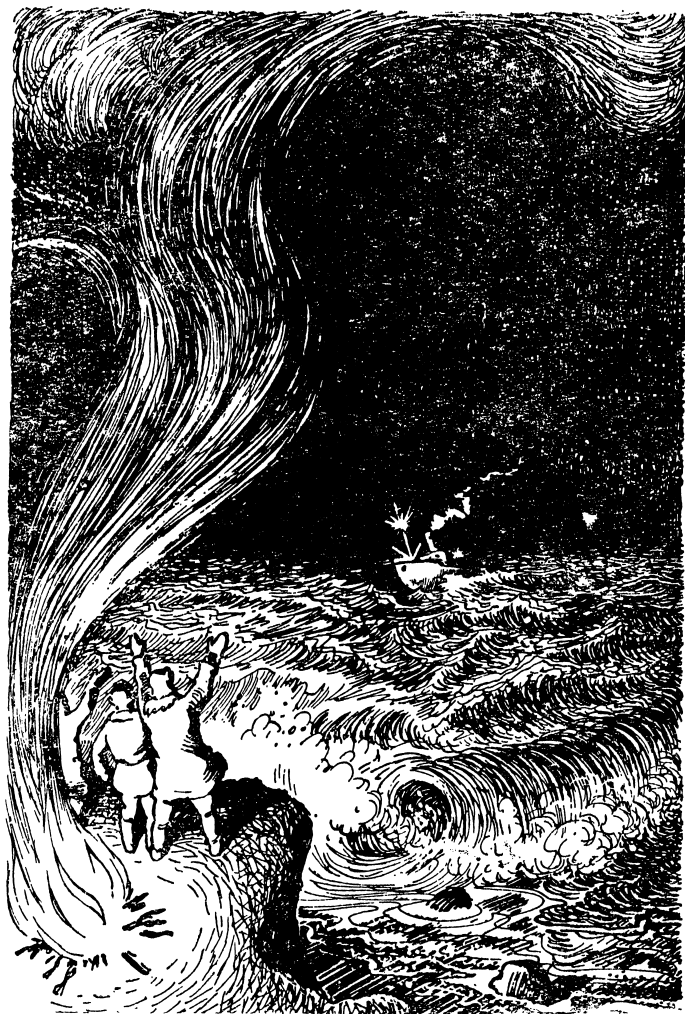
Ушли на юг запасы продовольствия, которые должны были зимой дать обитателям Тихой бухты свет и жизнь.

И потянулись дни один другого холодней и ветреней. Когда Савелий Петрович вместе с Прокоповичем подсчитал оставшееся в посёлке продовольствие, то оказалось, что хватит его не более чем на полмесяца. Красная гавань, отстоявшая к северу от Тихой на двести километров, помощи оказать не могла: там были свои люди — новые рабочие Дальлеса, которых надо было кормить до весны.

Служащие концессии в бухте Тихой изредка не без пользы для себя продавали жителям поселка рис, муку и консервы. Это натолкнуло председателя сельсовета на мысль попросить у концессии продуктов взаймы. Савелий Петрович поделился этой мыслью с Прокоповичем. Тот подумал немного и решил, что, пожалуй, стоит попробовать. Снарядили делегацию, в которую вошли самые уважаемые люди Тихой: Прокопович, Пундык и переводчик Когай — старый житель поселка.

В конторе концессии уполномоченных приняли с церемонной вежливостью. Найама-сан пригласил их к себе на квартиру, предложил сигар и тёплой рисовой водки, но в продуктах отказал.

Тогда Прокопович сказал Когаю:

— Передай ты этой чёртовой кукле, что не для себя просим — нам бы детей и женщин обеспечить варевом да хлебом.

Когай перевёл, выбросив, конечно, упоминание про чёртову куклу.

Но Наяма с сокрушённым видом отказал и в этом. Вскользь он заметил, что если посёлок будет голодать, то вина ляжет на самих поселенцев и поселковые власти.

— Отыгрывается, — сказал по-русски Когай. — Чувствует, что скоро его лавочку прихлопнут.

Надежды больше не было никакой.

Делегаты поднялись и, откланявшись, зашагали в обратный путь.

У сельсовета мрачных делегатов неожиданно встретил Колька-китаец. Со времени уничтожения маковой заимки и ареста старика и Ван Су-лина он занялся охотой. Савелий Петрович дал ему ружьё и снабжал понемногу охотничьими припасами. И Колька был вполне доволен своей новой жизнью.

Он вернулся только что из тайги и теперь стоял посреди улицы, крича что-то Савелию Петровичу, а рядом с ним стоял молодой ороц с ружьём за плечами и весело глядел на всех чёрными узкими глазами. Вокруг толпился народ.

— Должно, новость какую принесли, — сказал Савелий Петрович, и все пошли быстрее.

— Пундыка! — крикнул ему Колька-китаец. — Моя на оленья тропка Савелька Бисанка встречай... Савелька Бисанка — Софрона сына... Его говори, что парохода с груза ходи бухта Большой. Тама его мука, риса, всякий то-

вара для вашей деревни в склады ложки. Савелька говори — надо наша люди Большой бухта ходи, продукта сюда таскай...

Ороч, сняв рукавицы, поочерёдно пожал руки мужчинам.

— Истина-правда... — весело проговорил он, подтверждая слова Кольки.

Савелий Петрович как будто ничем не выдал своей радости, только переглянулся с Прокоповичём и вытер тыльной стороной ладони свои усы.

— Так оно и должно быть, — сказал он, — своя власть не забудет. Зря, значит, к Няяме ходили. Вот и выходит, что мы с вами, товарищ Прокопович и товарищ Когай, старые дураки. Так али не так?

— Так, — ответил Прокопович и весело рассмеялся.

Глава четырнадцатая

Как ни радостна была для всех жителей весть, принесённая из тайги молодым орочем и Колькой, это всё-таки была только весть, а самые товары лежали далеко от Тихой. Как их привезти? Посылать людей пешком до Большой бухты было невозможно. Начинались первые бураны, и дороги никакой не было. Решили плыть на кунгасах по морю.

Но и это было опасно.

Два дня собирался в сельсовете народ, чтобы выбрать, кому ехать.

Первым вызвался Прокопович. Он был человек хладнокровный и смелый. Потом долго спорили, кого ещё выбрать: холостых или женатых, старых или молодых, кто смелей, кто опытней, кто осторожно и бесстрашно приведёт тяжелые кунгасы сквозь ветер по холодному зимнему морю.

Были на этом собрании и Колька-китаец, и молодой ороч Савелька, и даже бывший староста Чекрыга, молча сидевший в углу.

Вдруг он громко сказал, стукнув своей трубкой о каблук:

— Председателя надо послать, Савелия Петровича. Он председатель — и пусть едет. Он лучше всех сделает.

Слова его были как будто верные, и всё собрание молчало несколько минут, обдумывая их. Но потом заговорили разом, обернувшись к Чекрыге:

— Хитёр, бес! Савелия Петровича пошлём, а ты тут хозяйничать останешься? Так, что ли?

— А хотя бы и так! — нагло ответил Чекрыга.

— Похожайничал, наворовал, поди, полные амбары — ему ехать нет надобности.

— Я и охотой пробьюсь. Моя хата с краю, — сказал с усмешкой Чекрыга. — Козульку добуду, медведка убью — мне и хватит.

— В гости придём — твоих медведей кушать. Готовь угощение.

— Я и без помощников съем, а то моим угещением и подавиться недолго! — заметил Чекрыга и, громко топая своими болотными сапогами, пошёл к двери.

Тогда молодой ороч Савелька, внимательно наблюдавший за всеми, поднялся из другого угла, где он сидел у стены на корточках, и сказал:

— Чекрыга — худой человек. Ороч богатый люди нет, наша бедный люди. Какой зверь убить, можно русский люди пополам. Так ороч думай. Мой в стойбища ходи, старикам говори. Скоро наши люди мяса таскай будем.

И Савелька тоже вышел из избы.

А собрание вновь стало толковать, кому плыть на кунгасах в такую плохую погоду.

Димка, вызвав Шурку из избы, где шло собрание, на улицу, сказал:

— Шурка! А что, если мы попросимся?

— Не возьмут, — махнул рукой Шурка. — Не возьмут ни за что!

— А если без спросу? — Димка затаил дыхание.

— Надо подумать, — нахмурился Шурка. Потом он вдруг подмигнул Димке: — А страсть хочется!.. Пошли, Димка, отсюда, поговорим!.. — Он понизил голос и оглянулся на избу — не слышит ли кто-нибудь.

Наконец море устало от непрерывных схваток с ветром. Хотя по-прежнему ещё шли на берег ряд за рядом свинцовые волны, но уже без прежней ярости. Ветер повернул на юг. Момент был удачный для выезда. Река уже готовилась стать, покрылась мелким льдом — салом — и текла не так стремительно. Морская вода далеко зашла в Тихую.

Добровольцы, отъезжающие на кунгасах, приготовили всё с вечера.

Прокопович в это утро поднялся рано, со вторыми петухами, вышел на крыльцо, прислушался к ветру, потом постучал в окошечко Савелию Петровичу и негромко крикнул:

— Ну, Савелий Петрович, будить народ надо. Пора! Самое время двигаться.

Собирались быстро. Провожатых не было, и никто не мешал при отправке. Вышли на двух кунгасах. Старые рыбаки и охотники во главе с Прокоповичем уселись в первый большой кунгас и налегли на вёсла. Зажурчала вода по бортам, и скоро исчез из виду огонёк, светившийся в окне сельсовета.

Бар прошли легко: только один раз качнуло. Было ещё совсем рано, когда кунгасы вышли в открытую бухту.

— Ставь мачту: ветер попутный! — сказал Прокопович гребцам. — До утра я подежурю, потом Симонов руль возьмёт. Остальные — спать. Всё равно ведь делать нечего.

Гребцы завозились, устанавливая мачту, до того пришвартованную к борту. Затем взялись за парус, который лежал в носовом отсеке. Когай полез туда. Наступив ногой на лежавшую там кипу брезента, он потянул к себе парус. Рядом кто-то чихнул раз и другой. Когай обернулся к Симонову:

— Ты чего расчихался? Будь здоров!

Однако старик Симонов вовсе не чихал и посмотрел на Когаю с изумлением. Одна и та же мысль пришла им одновременно в голову. Они подняли брезент и, к своему удивлению, увидели Димку, чихавшего спросонья от пыли. Ко-

гай осветил фонарем и увидел Шурку. Тот щурил глаза, протирая их руками. Свет фонаря и свежий ветер, обнявший их со всех сторон, мгновенно отогнали сон. Оба вскочили. Шурка молчал, а Димка, умоляюще посмотрев на Когая, сказал:

— Вы, пожалуйста, не говорите никому, что мы здесь! Когай, может быть, и промолчал бы до поры до времени, так как был добрый человек, но старик Симонов, не обращая внимания на мольбу Димки, во весь голос закричал:

— Зайцев нашли!

Охотники с любопытством собрались вокруг мальчиков. Прокопович, сразу же узнав Димку и Шурку, сердито сказал:

— Сейчас к Поворотному пристанем и высадим вас!

— Товарищ Прокопович, — попросил Димка, — не надо нас высаживать! Возьмите нас с собой. Мы вам пригодимся.

— Э, нет, ребята! Тут опасное дело.

— Вот и возьмите, раз опасное! — сказал Димка, не зная, что бы ещё сказать неумолимому начальнику.

Но Шурка, более опытный, чем его друг, знал отлично, как тяжела всякая обуза в этой опасной дороге. Он вдруг предложил:

— Мы обед варить будем. Руль держать можем. Суп варить умеем, кашу. А провизия у нас своя есть. Вот.

Он указал на мешки, валявшиеся у их ног.

И в самом деле, они приготовились к дороге не хуже взрослых. В мешках у них лежали хлеб, рыба и даже чесно-

ку и черемши немного. Одеты они были тепло и удобно. И, осмотрев ребят со всех сторон, Прокопович рассмеялся. А посмеявшись, стал заметно колебаться в своём решении.

— Плохо, ребята, получается! — сказал он всё-таки с сомнением. — Это значит — вы от отцов удрали?

— Ничего, — сказал Димка, — мы им оставили письмо, что с Прокоповичем уехали за продуктами. А раз мы с вами, они не будут беспокоиться.

— Когда же вы в кунгас залезли?

— А как только его снарядили, — ответил Шурка. — Сторож заснул, все спать пошли, а мы — сюда и тоже заснули. Думали, до утра никто нас не увидит, а тут Когай чуть нас не раздавил.

Рыбакам, отлично знавшим Шурку и Димку, понравилась проделка ребят. Когай, ни к кому не обращаясь, заметил:

— Да с ними, пожалуй, веселее будет.

Его поддержали другие, и Прокопович сдался:

— Ну ладно, будь по-вашему. А вернёмся — сам попрощу Савелия Петровича и Дмитрия Никитича выдрать хорошенько обоих.

Уголок, в который забились ребята, оставили им в постоянное пользование, и они опять улеглись.

Ветер дул не ослабевая, но холод не проникал через толстые тулупы, которыми гребцы прикрыли ребят. Скоро в кунгасе спали все, кроме Прокоповича. Он один стоял на руле и по звёздам, как по компасу, держал курс прямо на юг.

Глава пятнадцатая

Когда обнаружилось бегство Димки, Дмитрий Никитич сначала встревожился не на шутку, а потом рассердился. Он считал, что всему виной сын Савелия Петровича. Объездчик спорить не стал. Он только заметил:

— Эх, Дмитрий Никитич, не сидеть же всю жизнь ребятам на печи! Пусть привыкают. А потом — не одни поехали, с Прокоповичем. Они за ним — как за каменной стеной. Мужик надёжный. Опять же — после драки чего кулаками махать? Вы думаете, мне за сына не страшно?.. А что делать! По воде за ними не побежишь.

Лесничий ещё дня два посердился на председателя, а потом стал чаще заходить к нему: дома было скучно без сына.

А спустя ещё два дня после этого Савелий Петрович позвал нескольких посельчан и предложил им направиться к Чекрыге для изъятия лишних продуктов. И чтобы Чекрыга не отказал, не вздумал сопротивляться, он пригласил и лесничего.

— Вас, Дмитрий Никитич, Чекрыга уважает, считает начальством и подчинится скорее, чем мне. А может, вы сумеете уговорить его, чтобы не сидел, как собака на сене. Я говорить не горазд, а вы человек образованный.

С крайней неохотой согласился на это Дмитрий Никитич. Он не любил впутываться в такие дела, но всё же считал, что Чекрыга должен поделиться с соседями.

У ворот Чекрыги Савелий Петрович пропустил лесничего вперёд и сказал, что останется здесь и подождёт. Помятые остались с ним.

Дмитрия Никитича сопровождал Колька-китаец.

Чекрыга встретил их довольно любезно, пригласил пить чай. Лесничий отказался и заговорил о деле. Чекрыга принялся клясться и божиться, что сам сидит без хлеба и не знает, как зиму прожить. Дмитрий Никитич стал горячо доказывать Чекрыге, что необходимо жертвовать своим добром ради спасения от голода женщин и детей.

Чекрыга, подперев щеку рукой, слушал, поддакивал, кивал головой и сочувственно чмокал губами.

Решив, что Чекрыга смягчается, Дмитрий Никитич удвоил рвение, уговаривая дать посёлку взаймы муки, рису и сала. Чекрыга, казалось, совсем подобрел. Под конец он расслабленным голосом проговорил:

— Что делать! Видно, божья на то воля, Дмитрий Никитич. Не каменный я... Анна, подь сюды! — Он обернулся к жене, с заспанным лицом выглянувшей из соседней комнаты. — Аннушка! Насыпь товарищу лесничему пудика с два мучки, да сальца там малость, ну и рису пудовничок. Не звери же мы, в самом деле, или инородцы какие.

Дмитрий Никитич так и застыл, не находя слов от изумления. Он никак не ожидал такого исхода. Ведь он не для себя просил! А Чекрыга все повторял:

— Сами голодаем, ну да уж бог с вами! Пользуйтесь на здоровье.

В это время от двери раздался весёлый голос Пундыка:

— Ну вот и спасибо! Сразу доброго человека видно! Пундык вошел неслышно. За ним вошли понятые. Председатель подошёл к столу и вынул из кармана бумагу:

— Придётся акт о приёмке составить, Дмитрий Никитич.

Озадаченный появлением понятых и председателя, Чекрыга опустил на табуретку.

А Савелий Петрович начал диктовать:

— Взято заимообразно у гражданина Чекрыги Николая Евтихиевича муки белой — ятнадцать кулей, рису — семь кулей, сала шанхайского — пятьдесят банок, сои японской — два бочонка...

— Ты чего это мелешь? — прохрипел Чекрыга. — Какое сало, где соя, что за рис? Где ты его видел?

— Где, говоришь? А под снегом, в ямке, возле огорода нашли. Где есть ещё, не знаю. Можно поискать.

Чекрыга вскочил и кинулся к председателю. Но жена перехватила его и резко крикнула:

— Николай Евтихиевич!

Он сверкнул на неё налитыми кровью глазами и сразу сел.

Потом перевёл глаза на Дмитрия Никитича и сказал со страшной злобой:

— Ловко ты, товарищ лесничий, меня подкузьмил, ловко! У наших жиганов, поди, учился?.. А я тут с тобой рассусоливал, думал, с хорошим человеком дело имею.

Лесничий поспешно ушёл. Его терзала мысль, что он невольно обманул человека. Он вовсе и не думал, что Саве-

лий Петрович поступит именно так. Ведь ему, Дмитрию Никитичу, хотелось сделать по-хорошему. Теперь знакомые ему, наверное, не подадут руки. Однако в этот день к нему зашли несколько человек и весело поздравляли с такой ловкой проделкой. Восхищение их было таким неподдельным, что он не стал никого разуверять.

А вечером пришёл к нему Савелий Петрович. Он был весел.

— Ребята-то сегодня свежий хлеб получили! — сказал он. — А бабы-то рады! Сказать невозможно, как благодарны вам. С таким, как Чекрыга, считаться нечего. Он с нами воюет, а мы — с ним. А на войне хитрость требуется. Так что уж не сердчайте на меня, Дмитрий Никитич.

— Но почему же вы мне ничего не сказали?

— Так ведь вы, Дмитрий Никитич, испортили бы мне всю музыку. Рассказали бы всё Чекрыге, а он мог до обыска не допустить. Выходит, я опять прав.

И верно, Савелий Петрович был прав.

Продукты, изъятые у Чекрыги, немного облегчили положение в посёлке. А через несколько дней подоспели с помощью и орочи. Савелька сдержал своё обещание.

С верховьев пришёл целый обоз. От собак в упряжках валил пар, пронзительно кричали погонщики-каюры. Скрипели полозья нарт.

На шум выскочили из домов обитатели Тихой, и вмиг целая толпа собралась возле избы сельсовета, где хранились запасы продовольствия.

Орочи осадили собак, развели упряжки по сторонам, чтобы своры не перегрызлись, потом стали разгружать нар-

ты. Один за другим вносили они тюки в избу. Больше всех работали Софрон со своим сыном Савелькой.

— Вот, Пундыка, — приговаривал Софрон, — ты меня помогай. Я, однако, тебя помогай!

Поделались орочи на совесть: в тюках было сушёное и вяленое мясо — кабанье, медвежье, оленье, вяленая рыба и немного муки.

Собаки угомонились, получив по куску сушёной рыбы-юколы, а орочи пошли к сельчанам угощаться чаем.

Глава шестнадцатая

попутным ветром, не утихавшим ни на минуту, кунгасы в четыре дня достигли бухты Большой. Савелька оказался прав: продовольствие и припасы для Тихой были сложены в склады и дожидались людей и лодок. Не теряя времени, охотники принялись за работу и вскоре были готовы в обратный путь. Всё продовольствие погрузили в самый надёжный большой кунгас и посадили туда сменных рулевых: Прокоповича, Когаю и Симонова. Прокопович взял с собой на кунгас и Шурку с Димкой.

Всё как будто благоприятствовало поездке. Ветер повернул на север. Охотники радовались. Но Прокопович почему-то хмурился и молчал. Он был недоволен этим ветром.

— С попутным, на юг, хорошо идти, — сказал он потихоньку Когаю. — Волна с Татарского пролива идёт тоже на юг. Ей по пути с ветром — значит — тихо, не заплеснёт.

А если ветер против воды повернул — значит, растрясёт воду. Хорошо, если гребешками одними обойдётся...

Однако целых сто километров прошли спокойно. Шурка с Димкой и впрямь пригодились: кашевары они оказались хорошие, хотя в первое время им помогал Прокопович, глаз не спускавший с ребят. Днём он доверял им даже руль, по-немногу обучая их и этому делу.

— А переключать руль надо, когда волна собирается, — говорил он мальчишкам. — Ты под низ и старайся угадать, чтобы кунгас своей тяжестью поворот ускорял. А волна потом подхватит и уже в корму угодит.

Иногда его светлые глаза устремлялись вдаль, он прищуривался и вдруг спрашивал:

— А ну, моряки! Скажите, что вы там видите: справа, в тени вон той скалы?

Ребята всматривались туда, куда указывал Прокопович, но ничего не видели там, кроме серой ряби моря.

— Правильно, рябь. А что это значит? Значит — мель. Глаза моряку очень нужны. Вот, скажем, отчего вдруг птица низко летать начинает, а ветер то стихнет, то пробежит, будто мимоходом? Смекай и жди шторма. Тоже и по облакам можно угадать: низом пошли, серые стали, вверху будто медленно идут, а те что ниже без ветра мчатся — значит, тоже быть шторму.

— А по звёздам что можно узнать?

— А по звёздам — дорогу и время.

Однако звёзды им мало приходилось видеть. Натрудившись за день, они крепко засыпали на мешках в своём углу под мерные удары воды.

Но однажды ночью ребята проснулись от сильных толчков. Они высунули головы из-под брезента, которым были накрыты на ночь. Что стало с морем! Оно ревело и двигалось, как живое. Кунгас мотало из сторону в сторону. Парус с мачты сорвало, и обрывки его трепались по ветру, цепляясь за нижнюю рею. Но фонарь уцелел, и красноватые его лучи тускло освещали чёрную массу разбушевавшейся воды.

Прокопович, стоявший у руля, сердито прикрикнул на ребят и подозвал к себе Симонова. Вдвоём они с трудом сдерживали тяжёлое правило, вырывавшееся из рук.

Когай стоял на носу и что-то кричал в темноту переднему кунгасу, с которого виднелся мачтовый огонёк, лихо радочно плясавший на волнах. Но ветер заглушал крики Когая.

Вдруг впереди что-то блеснуло. Короткий визг металла раздался в ушах, как будто лопнула очень тугая струна. Это лопнул трос, связывавший оба кунгаса. Конец его взвился вверх и ударил Когая. Когай покачнулся, схватившись руками за голову, упал на борт, потом тяжело перевалился и исчез в темноте. Симонов, пробравшись по мешкам до носового отсека, наклонился за борт и напряжённо всматривался во мрак. Потом медленно, почти ползком, вернулся к Прокоповичу, волоча за собой обрывок троса. И оба они долго кричали в темноту, звали Когая, но отвечало им только море.

Прокопович, заметив, что ребята из своего убежища видели всё, закричал на них сердито:

— Не вылазьте, слышите? Что бы ни случилось — ни с места, пока сам не скажу!

Огонёк переднего кунгаса исчез из виду. Со всей силой навалившись на правило, мужчины повернули кунгас к берегу. Скоро всё возраставший гул прибоя показал им, что ветер гонит кунгас прямо на сушу.

Прокопович сказал:

— Ну, вывози, матушка-волна! Держись, Симонов! Только бы сверху волну оседлать, а там вынесет...

Ребятам слышно было, как кунгас вдруг потащило: глухо шумела под ним вода. Потом кунгас с необычайной силой повернуло боком, и он точно повис в воздухе. Симонов, испугавшись, крикнул и вдруг, бросив правило, прыгнул в пустоту. Правило качнулось и ударило Прокоповича в грудь. Ребята в ужасе спрятались под брезент.

Кунгас дном ударился о землю так, что расселись пазы, и остался на месте. Мешки сдвинулись в сторону и накрыли собой Димку и Шурку.

Как велико было несчастье, ребятам было трудно понять в первое мгновение.

Выбравшись из-под мешков, они осмотрелись. Кунгас лежал на берегу, рассевшийся, с пробитым бортом. С кормы слышался стон. Ребята бросились туда. Стонал Прокопович: правило размозжило ему грудь. В горле у него клокотало, лицо было страшное. Он пытался говорить. Ребята нагнулись к нему, стараясь его приподнять.

— Вы мне не поможете больше... — тихо произнёс Прокопович. — Когда рассветёт, возьмите сала, галет... идите отсюда до Поворотного. Держитесь берега... Море — спра-

ва. Надо дойти! Скажите, кунгасы пропали, продукты целы. Людей пошлют...

Он замолчал. Хотелось ему будто передохнуть, чтобы снова начать говорить. И мальчики ждали. Но он всё молчал и молчал, а к утру, когда рассвело, совсем застыл. Ребята заплакали. Им было жалко Прокоповича и было страшно сидеть одним возле мёртвого. Они принялись забрасывать тело Прокоповича снегом. Забросав, пошли искать Симонова. Может быть, он остался жив! Но нигде его не было. И он, должно быть, насмерть разбился об острые камни, повсюду торчавшие из воды. А море по-прежнему грозно качалось перед их глазами.

Ребята вспороли мешки, набрали галет и сала, как наказывал Прокопович, постояли над его снежной могилой и, запомнив место, зашагали на север.

По пути вдоль берега не раз встречались им обломки восторого кунгаса. Значит, и он погиб в этот шторм.

Шли ребята дней шесть или семь. Они сами сбились со счёта. Ветер всё время дул в спину, но больше восьми километров в день им не удавалось пройти из-за снежных завалов.

Они шли на север. Глаза их воспалились от сверкания снега: веки распухли, белки налились кровью.

Идти было трудно. Снег набивался за воротник, в уши, в нос, в рот и таял, едва коснувшись разгорячённой кожи. К концу дня свет бывал умереннее, боль в глазах утихала. Тогда становилось веселее, и Шурка ободряюще говорил другу:

— Ну, Димка, ты не унывай, а иди, иди, иди!

— А сколько, Шурка, ещё идти?

— Да немного уж... Вон тот мысок на Поворотный походит.

Димка совсем ослабел, усталость одолевала его, но всё же он шёл вслед за Шуркой, пробиваясь по снегу к тому месту, на которое указывал его друг. Он верил ему, хотя мыса никакого не видел.

Бывало и в самом деле доходили они до мыска, но за ним виднелся ещё такой же, даль опять терялась в дымке, а желанного посёлка не было. Сменялись дни и ночи. И даже у Шурки не хватало сил. Они часами сидели на снегу, переставали ощущать холод, им не хотелось вставать. Но, боясь замёрзнуть, Шурка расталкивал Димку, и, не чувствуя ног, ребята снова поднимались, шли дальше.

Иногда на спусках они не шли, а скатывались вниз. На подъёмах приходилось очень трудно. Наверх выползали в испарине и уставшие до изнеможения.

Сколько они прошли и сколько ещё осталось идти, ребята не знали. Шурка утверждал, что до Тихой рукой подать, но и сам себе не верил. Спать ночью они боялись. Правда, ночью передвигаться было труднее, чем днём, но зато не болели глаза, а дороги всё равно не было. Когда солнце, поднявшись высоко, грело землю, друзья выкапывали в снегу ямку и ненадолго засыпали в ней.

Так, может быть, они и дошли бы до Поворотного, если бы новое несчастье не обрушилось на них вдруг. Ветер повернул и стал дуть им в лицо, поднимая снег со скал и сбрасывая его в ложбины.

Закрутились снежной пылью увалы. Позёмка пошла

перескакивать с бугорка на бугорок. И вскоре ветер усилился настолько, что трудно было сделать шаг. Ребята прикорнули за каким-то снежным гребнем, пригрелись и задремали.

Это было совсем недалеко от Поворотного, где в этот день Савелий Петрович и Колька-китаец — они теперь часто охотились вместе — решили заночевать в промысловой избушке, одиноко стоявшей за мысом.

Они развели огонь в печке, поужинали и затем, улегшись на нары, закрылись полушубками. Но заснули они только под утро.

С полуночи загудел ветер в трубе, завывала вьюга. От её порывов шаталась избушка, и слышно было, как громко шумел лес.

Разбудила их тишина. Пурга стихла. Китаец встал первым, потянулся. Он поискал глазами свою собаку. Та забралась в печь, улеглась на тёплую золу и сладко спала. Колька растолкал её. Собака вскочила, вся покрытая золой, и, подняв шерсть, собиралась отряхнуться. Колька выбросил её за дверь.

Но оттуда послышался вдруг её громкий лай и рычанье. Савелий Петрович прислушался.

Собака не унималась. Мужчины вышли посмотреть. Припадая на передние лапы, собака лаяла на что-то, находившееся недалеко от избушки, по другую сторону снежного гребня, наметённого на утёс. Мужчины направились к ней. Невдалеке от гребня что-то темнело.

Подошли ближе. Поспешно стали раскидывать снег. Под сугробом лежали два человека, тесно прижавшись друг

к другу. меховая одежда их была изорвана в клочья. Торбаза прохудились. Иссечённые ветром и снегом лица были одинаково темны, распухшие, воспалённые веки глаз — плотно закрыты.

Сердце Савелия Петровича сжалось: он узнал Шурку и Димку.

— Беда, Колька! — крикнул он.

С полчаса в избушке царило сосредоточенное молчание. Слышно было только тяжёлое дыхание мужчин, растиравших ребят. Синева на телах скоро стала пропадать, кожа сперва порозовела, через некоторое время стала красной, потом багровой. Послышался прерывистый хрип, он сменился слабым стоном. Ребята зашевелились. Савелий Петрович облегчённо вздохнул.

Сняв с себя полушубок, он закутал в него Шурку. Колька одел сына Вихрова.

Взвалив ребят на плечи, мужчины пошли к посёлку, перескакивая через сугробы, стремясь как можно скорее дойти до больницы. Собака бежала за ними, виляя хвостом, стараясь попадать в следы человеческих шагов.

Пундык с китайцем стремительно ворвались к фельдшеру:

— Спирту, Николай Иванович, бинтов давай! Посмотри, что с ребятами!

Николай Иванович показал, куда положить ребят, раздел, внимательно выслушал, забинтовал обмороженные лица. Только тогда распрямился и посмотрел на Савелия Петровича.

— Ничего, выдюжат! Где вы их нашли?

— Около Поворотного. Должно быть, ночью их пурга остановила. До избышки не дошли.

— Около Поворотного... А остальные? — тревожно спросил фельдшер.

— Не знаем. Только ребят нашли, — развёл руками Савелий Петрович.

Новость по посёлку распространилась быстро. Едва успели уложить ребят на койки, послышался стук в дверь. У крыльца стояло несколько человек. По тропинке, полузанесённой снегом, бежали люди. Николай Иванович стоял в дверях. Он замахал руками:

— Завтра, завтра, товарищи, приходите! Очнутся ребята, сами расскажут, что и как. Сейчас никого не пущу! — И, заметив подходившего Вихрова, крикнул ему: — Дмитрий Никитич, и ты не ходи сейчас! Поговори пока с Пундыком.

И Николай Иванович прикрыл за собой дверь...

...На другой день около больницы с утра толпился народ. Фельдшера встретили вопросами:

— Ну как? Можно войти?

— Можно.

Стараясь не шуметь, входили посельчане. Димка и Шурка лежали на койках. Лица и руки их были забинтованы. В палате стояла тишина, и в заиндеветшие окна лился ровный свет. Глаза ребят были повязаны марлей, они видели людей, как во сне. Савелий Петрович подошёл к ним, тихонько пожал им руки и вполголоса произнёс:

— Ну, хлопчики, расскажите, как было.

Ребята принялись рассказывать. Говорили они тихо,

прерывисто, но каждое слово ясно слышалось в настороженной тишине.

У многих сельчан во время этого рассказа на глаза навертывались слёзы. И Савелий Петрович тоже плакал.

— Будем, товарищи, помнить... — сказал он. — За нас погибли люди.

Расходились жители посёлка молча.

А наутро пятьдесят мужчин отправились к Красной скале, где мёртвый Прокопович охранял хлеб для живых. Пошли и орочи, ещё гостившие в Тихой. Савелька перед отправлением забежал в больницу посмотреть на ребят. Смеясь и хлопая их по плечам, он повторял:

— Хорошо, однако, хорошо! Молодса!

Потом потуже завязал ремешки на торбазах, выбежал из больницы и, обернувшись, помахал ребятам рукой.

Из окна, оттаяв дыханием стекла, Шурка и Димка смотрели на идущих.

Люди шли гуськом, ступая друг другу в след, и вскоре скрылись за Поворотным мысом.

Глава семнадцатая

та зима была богата событиями. Однажды после возвращения мужчин, ходивших за продуктами, на тропе, ведущей в Красную гавань, показался целый обоз. Одна за другой шли гружёные нарты. А за нартами шагали люди, крича на собак и оленей.

Это были рабочие Дальлеса. Два месяца перевозили они на нартах имущество и снаряжение, необходимое для лесных работ. Навезли и продовольствия, которого с лихвой хватило бы на всех жителей Тихой до самой осени. Глядя, как наполняются мукой, салом дощатые сараи Дальлеса, Савелий Петрович горестно качал головой и говорил:

— Эх, кабы знать!.. Не пришлось бы в Большую посылать народ. Гибнуть им не пришлось бы...

Весной в посёлке должны были поставить пограничную заставу. С обозом Дальлеса приехали в Тихую начальник поста и один пограничник.

Начальник был невысокого роста, коренастый блондин, латыш. Говорил он по-русски очень чисто. Его светлые глаза всегда смотрели прямо на собеседника.

Посту отвели одну избушку на самом берегу моря. Начальник проследил за тем, как избушку прибрали и вымыли, потом сам поудобнее установил стол, чтобы свет из окна падал слева, повесил занавески на окна и по-военному заправил кровать.

Вечером он пригласил к себе Пундыка, Вихрова, Софрона Бисанка и нескольких лесорубов с концессии. Когда приглашённые вошли в комнату, начальник каждому пожал руку и назвал себя:

— Гайлис!

Он угостил всех чаем. Слушал, время от времени задавал вопросы.

У всех в памяти ещё свежи были страшное крушение кунгасов, гибель Прокоповича, обыск у Чекрыги, и неза-

метно для себя посельчане перевели разговор на эти события. Гайлис слушал внимательно, потихоньку поглаживая согнутым пальцем верхнюю губу.

Когда, плутовато поглядывая на лесничего, Савелий Петрович рассказал о своей уловке с Чекрыгой, начальник поста весело усмехнулся и проговорил:

— На войне как на войне, говорите? Справедливая, знаете, поговорка!... — Потом переспросил у Савелия Петровича: — Значит, ваш сын, говорите, был с Прокоповичем?

— Да.

— И товарища Вихрова сынишка?

— Да, — отозвался лесничий.

— Надо мне с ними познакомиться, — будто шутя, заметил Гайлис. — Люблю смелых ребят. Был у меня сын, да не довелось вырастить его!.. — Он замолк.

Гости разглядывали нехитрую обстановку комнаты. Вихров, сложив руки за спиной, подошёл к портрету, висевшему на стене, спросил:

— Это кто же, товарищ Гайлис?

— Феликс Дзержинский, — тоном, в котором слышалось преклонение перед этим именем, ответил пограничник.

Когда гости уже собрались домой, Гайлис сказал им:

— Буду к вам заходить. Нас тут мало, стоять надо локоть к локтю, как на войне! Сосед у нас, товарищи, неважный, — и Гайлис кивнул на окно, из которого видны были постройки японской концессии, разбросанные по каменистому берегу, у самой воды.

Глава восемнадцатая

эту зиму из стойбища в посёлок часто приезжали гости. Любопытствуя, что будет делать Дальлес, орочи заходили в контору. Садись на корточки, дымили трубками и молча наблюдали.

Дальлес набирал рабочих на лесозаготовки. Орочей тоже приглашали. Те в ответ приветливо улыбались, но отрицательно качали головой.

Один Савелька решил попробовать новое ремесло. Он сказал Пундыку застенчиво:

— Пундыка, я леса пойду... Как тебе думай?

Тот обрадованно повёл Савельку в контору.

Получив расчётную книжку, молодой ороч показал её родичам, тыкая пальцем в надпись, сделанную на обложке. Там стояло его имя. По совету Савелия Петровича, Колька-китаец тоже завербовался в Дальлес. Приняли туда и свояка Чекрыги — Диюка.

На делянах Дальлеса началась работа. Дмитрий Никитич составлял карты, отводил лесосеки, участки. А Савелий Петрович делал промеры и изредка с довольной улыбкой говорил, неизвестно к кому обращаясь:

— Ну вот, кончилось чужое хозяйство, сами теперь будем лес рубить.

И в первое время рубили хорошо. На делянах беспрерывно стучали топоры, звонко пели в холодном воздухе пилы и, сотрясая землю своей тяжестью, валялись в ряд на снег огромные кедры.

Но вскоре с делян стали приходиться невесёлые и странные вести. Среди приехавших рабочих начались ссоры, драки. На диюковской деляне ранили Кольку-китайца. И хотя в посёлке не было ни водки, ни спирту, всё чаще стали попадаться пьяные. Они с песнями и бранью ходили из барака в барак. Стал пропадать инструмент. Появились откуда-то спиртоносы. Кто-то мешал начатому делу.

«Кто это?» — думал с тревогой Савелий Петрович, возвращаясь с работы домой.

Однажды он вернулся домой позже обычного. Шурка, который всегда охотно поджидал отца, открыл ему дверь и сказал:

— А я тебя ждал-ждал!..

Он любил, когда отец бывал дома, и поспешно принял за разводиться огонь, но печь растапливалась плохо. Шурка кряхтел и посапывал носом. Отец рассмеялся.

— А ну, хлопчик, иди до койки! Я сам тут управлюсь, сам сварю себе чай. Иди, иди...

— Не, я сам.

— Да ну, пусти!

Савелий Петрович шуточно схватил сына, повернул, прижал к стене своим большим телом, потом нагнулся к печке и, не отпуская Шурку, стал разводиться огонь.

Шурка, видя, что с отцом ему не совладать, притих, обнял Савелия Петровича за шею. Тот потеснился немного и сел перед печью, поджав под себя ноги. Шурка сел рядом с отцом. Дрова занялись ровным жарким пламенем. Приятное тепло ласкало. Отец и сын долго сидели молча.

Белые «червяки» поползли по красным угольям, съедая

пламенеющее дерево. От этого зрелища трудно было оторвать взгляд. Но вот пламя ослабело, сделалось красноватым. Язычки его становились всё меньше и меньше и постепенно пропали совсем. Пламя сменилось синеватым мерцающим огоньком, который даже не касался углей, а порхал над ними, точно бабочка, то складывая крылышки, то раскрывая их. Но вот исчез и он.

Савелий Петрович встрепенулся. Закрыв трубу, чтобы тепло не уходило, он сказал:

— Ну, давай чай пить, потом к Гайлису пойду.

— К Гайлису? Зачем, папка?

— Много знать будешь — скоро состаришься. Ишь ты, любопытный, сразу глаза, как у кошки, разгорелись! Раз иду — значит надо.

— Расскажи зачем?

— Пока рассказывать нечего, хлопец.

Сын понял, что расспрашивать бесполезно. Но то, что отец поздно вечером идёт к Гайлису с каким-то разговором, сильно заинтересовало его.

— А придёшь — расскажешь?

— Расскажу.

Напившись чаю, Савелий Петрович быстро оделся и вышел.

Шурка остался один. Он подумал, чем бы ему заняться до прихода отца, и принялся чистить ружьё, с которым отец ходил на деляны.

Савелий Петрович был на редкость аккуратным человеком. Оружие он любил и всегда страдал, видя небрежное обращение с ним. Своё ружьё он держал в образцовом по-

рядке. Шурка осмотрел ствол отцовского ружья на свет. Канал ствола отливал зеркальным блеском. Шурка вздохнул: его винтовка не всегда походила на отцовскую! Савелий Петрович говорил сыну:

— Эх, хлопчик! Белоручка ты, а не сын партизана. Винтовку чистить не научился. Стыд и срам! Оружие, хлопец, уважать надо. Мы им свободу завоевали. И, может, ещё не раз её этим оружием защищать придётся. Так-то!

Повесив ружьё отца на стену, Шурка принялся чистить своё.

В окно постучали. По стуку Шурка узнал приятеля. Тот влетел, раскрасневшийся от бега.

— Шурка, я у вас ночевать останусь! Мой папа уехал на ту сторону. А мне дома скучно... Ты чего винтовку чистишь на ночь глядя?

Шурке неудобно было признаться, что его ружьё оказалось грязным. Он ответил:

— Хочу завтра на охоту идти. Пойдёшь со мной?

— Конечно! Почему ты мне раньше не сказал ничего? Я бы тоже приготовился.

Он принялся помогать Шурке: растопил печь, наплавил свинца, вытащил пулелейку. Работа закипела, и время прошло незаметно.

Вернулся Савелий Петрович.

— Вы чего тут завод развели, хлопчики? — спросил он.

— А мы завтра на охоту хотим идти, папка, — ответил Шурка.

Савелий Петрович задумался. Видимо, намерение ребят его не вполне устраивало.

— Куда думаете отправиться?

— На Поворотный. А что?

— Да нет, ничего! Там должна быть сейчас хорошая охота. А на Красный перевал не пойдёте?

— Нет.

— Ну и ладно. Я тоже с утра в лес уйду.

Димка не остался ночевать. Когда он вернулся домой, отец уже лежал в постели и читал книгу. Димка потихоньку, чтобы не тревожить отца, прошёл в свою комнату. Начал было раздеваться, но потом побоялся, что утром разоспится и не успеет ничего к охоте приготовить. Стараясь не шуметь, он принялся снаряжаться: долго, до зеркального блеска, чистил ружьё, до отказа набил патронташ, подвязал к рюкзаку сетку. Разыскал в печи свинину с бобами, из сена притащил копчёной рыбы. Положив всё это в мешок, он добавил краюху хлеба, соли, спичек. Затем полез на печь, где лежала сухая берёста для растопки, и сорвался. По всему дому разнёсся грохот падающей табуретки. Отец спросил:

— Ты чего там шумишь?

— Так, — ответил Димка, но, как всегда, когда он хотел сделать что-нибудь тихо, всё вырывалось у него из рук. Вещи словно сговорились причинять ему неприятности. Неожиданно упала складная сковородка и загремела на весь дом.

— Дима, поди сюда! — сказал отец. — Ты чем занимаешься? Мало тебе дня?

Пришлось объяснить, чем вызваны поспешные сборы Димки. Боясь, как бы отец не запретил идти на охоту, Димка стал говорить, что местность они с Шуркой изучили хорошо и что они набьют белок на целую шубу.

Отец, приподнявшись на локте, рассматривал сына, словно впервые видя его по-настоящему. Лицо Димки даже зимой было коричневым от загара. Руки вылезали из коротких рукавов, голос огрубел. Держался Димка прямо, высоко подняв голову и чуть-чуть расставив ноги. Он вытянулся, возмужал, стал совсем не похожим на того хилого городского мальчика, который не так давно приехал из Владивостока.

Вихров удивился: он как-то не замечал этого до сих пор. Видя, что отец разглядывает его, Димка замолк.

— Как ты вырос! — сказал отец. Он спустил ноги на пол, прошлёпал босиком к сыну. — А ты, наверное, и меня уже догнал? — Он стал рядом с Димкой: — А ну — померяемся...

Димка был теперь отцу по плечо. Тот взъерошил ему волосы:

— Смотри, как вырос! Совсем молодой человек стал! — Потом, вспомнив, о чём шла речь вначале, сказал одобрительно: — Ну, коли на охоту собрались — идите. Охота — занятие полезное, прекрасный спорт! — На всякий случай он добавил, сам сознавая бесполезность совета: — Не заблудитесь только!

— Не заблудимся! — сказал Димка.

Глава девятнадцатая

На другой день, плотно позавтракав, Димка отправился к Шурке. Тот в полном снаряжении уже ждал его. Быстрым шагом ребята направились к Поворотному мысу. Вдруг Димка спросил приятеля:

— Послушай, а почему нам не пойти на Красный перевал?

— Да ведь мы же сговорились на Поворотный идти.

— Ну, какая тут охота, сам посуди!

— А что?

— А Савелий Петрович куда пошёл? На перевал?

— Ну да...

— Значит, охота там лучше?

— Да почему же?

— А потому, что Савелий Петрович не хотел, чтобы мы шли туда же.

— Ты глупости говоришь.

— Как хочешь, а я на перевал пойду! Ты можешь идти на Поворотный.

Шурке, в сущности, было всё равно, куда идти. Он повернул вслед за Димкой. Но до Красного перевала было значительно дальше.

Охотники миновали посёлок. Он остался справа. Крайние избушки скоро скрылись за деревьями. Шурка решил отомстить Димке за лишний путь — он прибавил шаг. Димка не привык к быстрой ходьбе, которой научился его друг в частых походах с отцом.

Димка скоро устал. Шурка, не обращая внимания на пыхтенье приятеля, шагал не останавливаясь. Димка стал отставать. Но признаться в усталости ему не хотелось. Когда расстояние между ними увеличивалось, он принимался трусить. А чтобы не зазвенело снаряжение, он поддерживал его рукой. Лыжи, которые на дороге приходилось нести на себе, мешали ему, оттягивая плечо. В рюкзаке всё перевернулось, и что-то твёрдое, должно быть, всё та же сковорода, воткнулось ему в спину. Он вспотел. Расстегнул кухлянку и воротник рубахи. Но ничто не помогало. Лицо его приняло растерянное, жалкое выражение. Время от времени он старался шагать, как Шурка, будто не спеша, но делая широкие шаги. Однако этот шаг тотчас же сменялся трусцой.

Но вот дорога кончилась. Шурка присел на сугроб, оглянулся. Заметив это, Димка пошёл шагом. Шурка крикнул ему:

— Давай быстрее!

Дождавшись приятеля, он пояснил с улыбкой:

— До перевала дальше. Значит, надо нажимать.

Димка сделал вид, что ему всё равно. Но Шурка хлопнул его по плечу:

— Устал?

— Нисколько! — ответил Димка, едва переводя дух.

— Сделаем привал! — сказал Шурка.

Он снял с себя мешок и лыжи. Мешок был небольшой, аккуратно сложенный и тугой.

Бросив иронический взгляд на Димкин мешок, Шурка, не говоря ни слова, развязал его, вытряхнул содержимое и

заново уложил. И у Димки мешок почти наполовину уменьшился. А ведь ему казалось, что дома он его так тщательно уложил!

— Видал, как надо укладывать? — сказал Шурка. — Бок о бок, вещь к вещи, чтобы друг другу не мешало, чтоб мешок можно было как угодно трясти и перевёртывать. Понял?

Друзья разлеглись на пригорке, и Шурка продолжал учить приятеля:

— Когда долго идёшь, на привале садись или ложись так, чтобы ноги повыше головы лежали. Это чтобы кровь от них отлила. Отойдут ноги — и шагай опять сколько хочешь!

Свинина с бобами очень пригодилась в дороге. Обоим охотникам она пришлась по вкусу. Подкрепившись, они двинулись дальше. Стали на лыжи. Теперь Димка шёл наравне с другом.

Короткий зимний день близился к концу. Где-то на пути солнце попало в облачный мешок, хотело было вырваться из него, посветило бледными лучами, пытаясь раздвинуть сумрак вечера, но не справилось с ним — и пропало. Сумерки сгустились. Ночь пришла с востока и накрыла снег, лес и камни.

— Заночуем в макосеевской заимке! — сказал Шурка.

Со времени поимки старика и уничтожения макового поля ребята не были здесь. Фанза, где жили макосеи, стала охотничьей базой. В ней останавливались охотники, идущие к Сихотэ-Алиню за медведем или за козой.

Мальчики отправились к заимке.

Фанза была занесена снегом по самую крышу. Снег навис белой шапкой над дверью и наличником окна.

Шурка отодвинул кол, которым была подперта дверь, и ребята вошли в фанзу. Шурка разыскал и зажѣг лампу. В фанзе давно никто не бывал: толстый слой пыли покрывал серой пеленой все предметы. В углу лежали два ватных одеяла. Шурка заглянул в ящик, прибитый в стене. Там в порядке стояли кульки с мукой, рисом, солью. Шурка по-хозяйски осмотрел всё. Продукты были в полной сохранности. Только сало немного зацвело. Шурка вынул его оттуда.

— Придѣтся зажарить его, Димка, а то испортится совсем!

На место вынутого он положил свежее сало, принесѣнное с собой. Потом принялся приводить фанзу в порядок: смёл пыль, выколотил одеяла на дворе. Димка отправился за топливом; нарубил тонких веток, пораскидал снег и нашёл валежник. Дерево было сухое. Но когда он принѣс всё это, Шурка сказал ему:

— Пойди наруби ещё дровишек, можно и сырых. Покажу, как костѣр разжигать... — и сложил сушьѣ под нары, где лежали принесѣнные кем-то раньше дрова.

Это поручение Димке выполнить было значительно легче. Он вернулся через несколько минут с целой охапкой смолистых веток и с несколькими отсыревшими поленьями, найденными возле фанзы.

Шурка вынул берѣсту, нарвал её тонкими лентами, положил в очаг и обложил сосновыми иголками. Потом взял одно полено, отколол от него несколько тоненьких палочек

и стал стругать их так, что одним концом стружки оставались прикрепленными к палочке. Они завивались мелкими кудряшками.

— Красиво! — сказал Димка.

— «Красиво!» Дело не в красоте, — отозвался Шурка. — Увидишь, как гореть будет! — И он кругообразным движением ловко подрезал стружки у основания. Собрал их и положил на берёсту. Сверху уложил клеточкой тоненько расколотые дрова и несколько сухих веток. Лишь после этого положил в печь дрова потолще.

Шурка зажёл одну — только одну! — спичку, как его учил отец, и, защищая её ладонью, поднёс к костру. Берёста сразу запылала ярким красным пламенем. Густой чёрный дым от неё окутал дрова. Сосновые иголки затрещали, обстреливая крошечными огоньками всё вокруг. Прозрачные стружки сначала обуглились с краёв, потом робкое пламя пробежало по ним раз, другой и плотно въелось в них. Стружки занялись ровным пламенем. Шурка беспрестанно подкладывал их, давая пищу огню, когда его язычки беспомощно повисали и синели. Наконец стружки перекинули огонь на тонкие лучинки — загорелись и те. Дрова стали шипеть. Вода с них мутно-молочными хлопьями падала вниз, в пламя, — и тотчас же испарялась. Лучинки бережно вынесли огонь на мелкие дрова; загоревшись, те перекинули пламя на верхний этаж здания, сооружённого Шуркой. И вот оно горело уже со всех сторон. Жар заструился по фанзе.

— Видал? Сейчас у нас всё мигом закипит и сварится! — сказал Шурка.

Тишина окружала поляну, на которой стояла фанза. Лунный свет, не достигая земли, лежал на заснеженных деревьях. Длинная тень от фанзы протянулась вдоль поляны. Тишина была настолько глубокой, что ребята притихли, стали разговаривать вполголоса, будто кто-то мог подслушать их.

Поели, улеглись спать. Поленья всё тлели в очаге, струя тепло.

Вдруг Шурка насторожился:

— Стреляют где-то!

Димка, которому сон уже склеил веки, пробормотал:

— Это стреляет дерево...

— Дерево от мороза стреляет, да не так, не раскатисто.

Ты послушай.

Выстрел повторился. Теперь и Димка ясно расслышал его. Вслед за этим началась настоящая перестрелка. Выстрелы следовали один за другим, то с правильными промежутками, то, после долгого молчания, залпом. Шурка встревожился и сел на нарах.

— Что же это такое?

Он вскочил и выбежал из фанзы. Димка, накинув кухлянку, последовал за ним.

— На чекрыгинской протоке стреляют, — определил Шурка.

Ребята постояли.

Выстрелы прекратились. Димка дрожал от мороза, от страха и волнения, вызванного этой необъяснимой перестрелкой. Кругом было так глухо!..

— Не случилось ли чего с Савелием Петровичем? —

спросил он прерывающимся голосом. — Ведь он пошёл, примерно, в ту сторону.

Шурке эта мысль тоже пришла в голову; он нахмурился, что-то решая. А Димка, преодолевая страх, сказал:

— Может, мы пойдём туда?

— Куда?

— Где стреляют. Поможем чем-нибудь...

Шурка молча вошёл в фанзу, оделся. Димка последовал его примеру. Они погасили лампу, закидали огонь снегом и подпёрли дверь колом, как было раньше. Затем стали на лыжи и пошли напрямик через лес.

Шурка шёл впереди. Только скрип лыж по подмёрзшему снегу да ровное дыхание ребят нарушали тишину. Облачко пара окутывало их лица, отлетало назад, осаждалось капельками на мехе кухлянок. Капельки индевели, и мех поседел. Ресницы тоже обледенели и слипались. Иногда верхние ресницы мгновенно примерзали к нижним и мешали смотреть, приходилось их отдиирать рукой. Деревья стрелами вытягивались к глубокому небу. Тени прятались за деревьями.

Шли ребята минут сорок. Чекрыгинская протока была уже близко. Шурка пошёл тише и предупредил товарища:

— Гляди по сторонам!

Димку опять взяла оторопь. Он таращил глаза, но ничего, кроме косых теней от деревьев, не видел. Сердце у него громко билось. Он не боялся, но нервная дрожь не оставляла его. Он старался её унять, но чем больше старался, тем сильнее охватывала она его. Тогда Димка перестал себя сдерживать, и дрожь неожиданно прекратилась.

Между деревьями показалась поляна, на которой стояла чья-то фанза. Шурка круто взял влево и стал обходить поляну, чтобы выйти с подлунной, теневой стороны. Теперь он шёл совсем тихо, сняв ружьё и держа его наперевес, готовый ко всяким неожиданностям. Подражая сму, Димка сделал то же и пригнулся.

Обошли поляну, притаились за деревьями. Фанза была ярко освещена луной, но оттуда не доносилось ни звука. Ребята подошли к фанзе. Обошли её, выглянули из-за угла. Дверь была распахнута. Сердце у Димки сжалось, но Шурка решительно подскочил к двери и, стукнув в неё прикладом, крикнул:

— Эй, кто тут есть?

Никто не ответил.

Ребята вошли. Шурка зажёл спичку. Неверное пламя осветило стены, нары, печь. На полу валялась лампа «летучая мышь», возле неё чернела лужа керосина. Шурка поднял лампу, поболтал. В лампе булькнуло. Шурка зажёл её.

Стол был опрокинут, и одна из ножек у него сломана.

— Драка была! — сказал Шурка.

Ребята вышли на поляну. Сугроб слева был разрыт. Шурка расшвырял ногой снег и поднял гильзу от патрона. Ещё несколько гильз виднелось в снегу.

— Здесь лежали! — сказал Шурка, показывая на углубление в снегу, сохранившее сходство с человеческим телом.

Друзья пошли дальше. На середине поляны было много следов. У первых деревьев, окружавших опушку, тоже были

видны следы — отпечатки лежавших на снегу людей. Тут же валялось несколько гильз. Шурка посмотрел на одну внимательно, зажёл спичку, рассмотрел цифры на доньшке.

— Тридцать два-сорок! — сказал он. — Батяка был тут! Его винчестер... — Шурка облёгченно вздохнул: — Значит, батяка кого-то караулил! Хуже, если б было наоборот...

От фанзы тянулась тропинка к проезжей дороге. Шурка стал рассматривать следы. Рядом с тропинкой шла лыжня.

— Батякина лыжа! — сказал Шурка. — У него короткая, широкая, потом камус приклеен не сплошь, а узенькими полосками, вроде полозьев... Значит, батяка кого-то поволок.

Шурка повеселел

— А может, его самого поволокли? — усомнился Димка, не совсем доверяя своему приятелю-следопыту.

— А посмотри, с другой стороны лыжня есть?

— Есть!

— Значит, батяка с кем-то вёл тех, кто шёл посредине дороги. Не поставят же они пойманных по бокам: удерут! Да, теперь это было совершенно ясно и для Димки. Он сказал, с восхищением глядя на друга:

— Ты настоящий Шерлок Холмс!

О великом сыщике Шурка слышал. Похвала друга польстила ему. Но в глубине души он не совсем был уверен в правильности своего вывода. И когда Димка предложил нагнать ушедших, Шурка согласился.

Ребята помчались вдоль дороги, ведущей в посёлок. Шурка сразу опередил Димку, и тот, стараясь его пере-

гнать, зачастил. Под ноги ему попался кусок дёрёва, лыжи разъехались в разные стороны, и Димка уткнулся носом в снег.

— Рано картошку садишь — помёрзнет! — насмешливо крикнул Шурка. — Ждать не буду!

Димка встал, отряхнулся. Кусок дерева лежал возле. Димка поднял его. Это был обломок приклада, крытого светлым лаком. Полом старый, но винты, которыми он был скреплен, вырваны недавно. Димка с довольным видом положил его за пазуху. Всё-таки и он кое-что нашёл! Может, пригодится.

Глава двадцатая

После посещения Гайлиса Савелий Петрович поднялся очень рано и ещё до зари ушёл на деляны.

На лесном участке, где работы производил Дюок, свояк бывшего старосты Чекрыги, дела шли из рук вон плохо. Сам Дюок, пьяница с угрюмым лицом, видимо, ещё не проспавшийся от вчерашней гулянки, на все вопросы Савелия Петровича отвечал неохотно и дерзко. В бараках пахло спиртом, рабочие бродили без цели и ещё не начинали валить лес, хотя солнце стояло уже высоко.

Только Савелька Бисанка и Колька, работавшие на этой делянке, были уже на своём месте.

Савелий Петрович подошёл к ним.

Визг пилы далеко разносился в морозном воздухе. Ороц

И китаец, сняв с себя ватные куртки, работали. С ровным визгом пила вгрызалась в огромную лесину, направляемая умелыми, быстрыми руками. «Вжик-к... вжик-к...» Опилки тучкой вылетали то с одной, то с другой стороны дерева. Савелька взглянул вверх, на крону огромного кедра.

— Пойдёт! — сказал Савелька, быстро вынул пилу из реза. Затем стукнул по дереву топором и отскочил в сторону.

Колька тоже отскочил.

Дерево качнулось и, словно нехотя, стало клониться в одну сторону, всё быстрее и ниже. Его верхушка смела с других деревьев снег. Он посыпался хлопьями. Дерево рухнуло на землю, подняв облако снежной пыли. Радуга заиграла на снежинках. Толстые сучья смягчили падение дерева. Оно подпрыгнуло, словно хотело стать на прежнее место, ещё раз с вышины оглядеть редяющие ряды своих зелёных братьев, и застыло неподвижно, зарывшись в снег.

Савелий Петрович наблюдал за лесорубами. Те с завистью следили за Савелькой и Колькой — это было видно по их глазам, которые становились всё более внимательными.

— Экую махину свалили! — восхищённо сказал один из лесорубов. Невольно он, поплевав на пальцы, схватился за топор и двинулся к дереву. Тогда зашевелились и остальные.

За секунду до этого стоявшие без дела, они вдруг бросились наперегонки к упавшему дереву. Топоры их замелькали, отделяя ветви. Через десять минут дерево лежало об-

нажённое, уже не похожее на себя. «Значит, не лень не даёт им работать, — думал Савелий Петрович о лесорубах, — а кто-то мешает. Но кто же?»

И Савелий Петрович решил поймать во что бы то ни стало спиртоносов. Он отозвал в сторону Савельку и Кольку.

— Ладно! Хорошо! — за обоих ответил Савелька.

Они согласились ему помочь.

А под вечер они встретились уже на тропе, которая шла к Красному перевалу. Там их ожидал пограничник Федя Речкин, балагур и весельчак.

До фанзы на чекрыгинской заимке они дошли быстро. Речкин развёл огонь в очаге и вскипятил чай.

— Пейте, товарищи, чаёк! — сказал он весело. — А потом — в путь. Идти будем по двое. Спиртонос по тропке не пойдёт — побоится. Он ходит по тайге, где свежего следа нет. И мы так пойдём. Какую фанзу повстречаем, пошарим в ней, нет ли чего интересного. Один из вас со мной пойдёт, другой — с Савелием Петровичем!

После чая фанзу прибрали, тщательно уничтожив все следы своего пребывания.

— Это так, на всякий случай, — объяснил Федя. — В нашей жизни всякое может быть. Иной раз пустяк, думаешь, а этот пустяк может человеку жизни стоить.

От чекрыгинской заимки прямо на север шла тропа к Красной гавани. Луна ярко освещала идущих по тропе людей. Пограничник остановился:

— Э, не годится такой парад, товарищи! Мы ничего не видим, а нас за полверсты видеть.

По совету пограничника группа разделилась, и пошла дальше, передвигаясь в тени деревьев. Время от времени останавливались и прислушивались.

Тишину нарушал только еле слышный скрип лыж по подмёрзшему снегу.

Вдруг скрип слева усилился. Бисанка и Пундык остановились, спрятались за деревьями. До них донёсся тихий свист. Показалась тень человека. Мужчины притаились и взвели курки винтовок, человек приблизился и тихонько позвал:

— Пундыка, Савелька! Эй, ходи сюда!

Это был Колька-китаец.

— Речкин говори, — сказал он, — надо обратно Чекрыгин фанза ходи. Его следа нашёл.

Через несколько минут они соединились с Речкиным. По старой лыжне все четверо вдвое быстрее дошли до чекрыгинской фанзы. Речкин распорядился:

— Савелий Петрович, Бисанка, вы заляжете по бокам тропы. Смотрите и за лыжнёй и по сторонам. Заметите что — сейчас к фанзе. А мы с Колей фанзу ещё раз обыщем. Ждать, наверное, долго не придётся: на делянах спирту нет — весь выпили. Значит, кто-то должен его принести.

Бисанка и Пундык залегли. Долго ждать, действительно, не пришлось. С северной стороны донёсся скрип. Кто-то, не спеша, останавливаясь, шёл к чекрыгинской фанзе.

До Савелия Петровича донёсся шёпот Савельки:

— Его люди ходи...

— Слышу, — ответил Савелий Петрович.

Он подполз к фанзе и осторожно постучал в неё. Дверь

беззвучно распахнулась. Предусмотрительный пограничник смазал петли маслом. Он распорядился:

— Марш на дорогу к Тихой! Заляжете в боковинке — и ждите сигнала, наблюдайте. Крикну — открывайте огонь. Всё! Передвигаться ползком.

Сам он с китайцем отошёл от избы в сторону.

Объездчик и ороц, отползшие от фанзы метров на двести, притаились за деревьями. Скрип прекратился. Двое подошли к фанзе и скрылись в ней.

Через некоторое время со стороны Тихой послышался людской говор. Савелька, не ожидавший никого с тыла, хотел было бежать. Но Савелий Петрович мгновенно прижал его к земле, забросал снегом и сам зарылся в сугроб.

Голоса стихли, но хруст снега усилился. Люди шли быстро, как ходят по хорошо знакомой дороге. На лыжне показались две тёмные фигуры. Они направились к фанзе. Чёрные силуэты слились с очертаниями хижины. Узкая полоса света пробилась через дощатую дверь и засеребрилась на снегу. Из тёмной массы деревьев справа отделились ещё две тени и тоже направились к фанзе. Савелька заволновался. Но Савелий Петрович, показав ему на тени, сказал:

— Это Федя Речкин и Колька.

И верно, это были они.

Пограничник ворвался в фанзу. Свет тотчас же погас. Из фанзы послышались голоса и топот, раздались крики и брань. Звуки завязавшейся борьбы долетели до сидевших в засаде. Они привстали. Савелька сжал в руках винтовку и, вскинув её к плечу, прицелился по направлению к фанзе. Лязгнул затвор. Пундык опустил ствол его ружья:

— А приказ помнишь — без сигнала не стрелять! Забыл?

Он вытягивал шею по направлению к фанзе, пытаясь рассмотреть, что там происходит, но с места не двигался. Савелька прильнул к дереву всем телом, слившись с ним, и не шевелился.

Вдруг стукнула дверь, шум оборвался, и четыре человека выскочили из фанзы. Они бросились бежать по дороге в Тихую.

Федя Речкин крикнул:

— Огонь!

И Савелий Петрович сказал Бисанке:

— Ну теперь пали, хозяин!

Ороч несколькими прыжками перескочил дорогу, скрылся в кустарнике и тотчас же прицелился в бегущих. Красный огонь длинной струёй хлестнул темноту. Слева тоже прогремел выстрел. Это стрелял Пундык. Ороч выстрелил опять. Савелий Петрович отозвался двумя выстрелами.

Спиртоносы, упав в снег, перекатывались к тайге. Опять загремели выстрелы. Спиртоносы остановились и спрятались за сугробами. Савелька пальнул ещё. За сугробом сверкнул огонёк, и мимо него с визгом пролетела пуля. Ороч бросился на старое место. Выстрелы Савелия Петровича слышались то ближе к Бисанке, то дальше. Спиртоносы отстреливались, надеясь уйти.

Пограничник и Колька использовали фанзу как прикрытие и открыли стрельбу по спиртоносам. Те отвечали, но с большой выдержкой.

Федя Речкин закричал:

— Бросай оружие! Не стреляй — нас много. Убьём не-нароком... Бежать вам некуда — кругом стрелки!

За сугробом молчали.

— Я вам добра хочу, — громко сказал Речкин. — В сельсовет отведём, штраф заплатите...

Из-за сугроба отозвались:

— Капитана, наша не хунхуза! Наши люди — мала-мала купеза... Стреляй не надо, капитана, а?

Речкин ответил:

— Ладно, моя стреляй нету. Один ваша люди сюда ходи!

Из-за сугроба поднялся один и направился к фанзе. На полпути пограничник окликнул его:

— Эй, дальше ходи нету!

Он приказал ему положить ружьё и отойти в сторону.

Спиртоносы послушно выполняли все приказания пограничника.

Через пять минут все четверо стояли с поднятыми руками на некотором расстоянии друг от друга. Речкин обернулся к Кольке-китайцу.

— Ты тут постой. Если какой худо есть — твоя стреляй, не жалей. Моя ходи обыскать.

Пограничник подошёл к спиртоносам. Обыскав первого, он направился к следующему. Слышен был скрип его шагов и бормотанье.

— Так... так... чисто... Теперь тут пошарим!.. Ага!

И он отбросил в сторону какой-то чёрный предмет.

Третьего Речкин обыскивал недолго и направился к последнему. Тот стоял на лыжах. Едва пограничник подошёл

к нему, спиртонос что-то выхватил из-под полы и наотмашь ударил Речкина. Федя повалился в снег. Китайцы встрепетнулись и опустили руки. Колька угрожающе прикрикнул на них и подкрепил свои слова выстрелом. Савелий Петрович, глядя на него, сделал то же. Спиртоносы снова вскинули руки.

Савелька стоял дальше всех и не сразу понял, что произошло. Сначала ему показалось, что бежит Речкин. Но перед ним вдруг выросла чужая фигура. В тот же момент над головой прогремел выстрел, в глаза ударило ослепительное пламя. Человек вихрем промелькнул мимо ороча, сбил его с ног и ударил чем-то по затылку. «Уйдёт!» — с отчаянием подумал тот и вскочил:

— Стой!

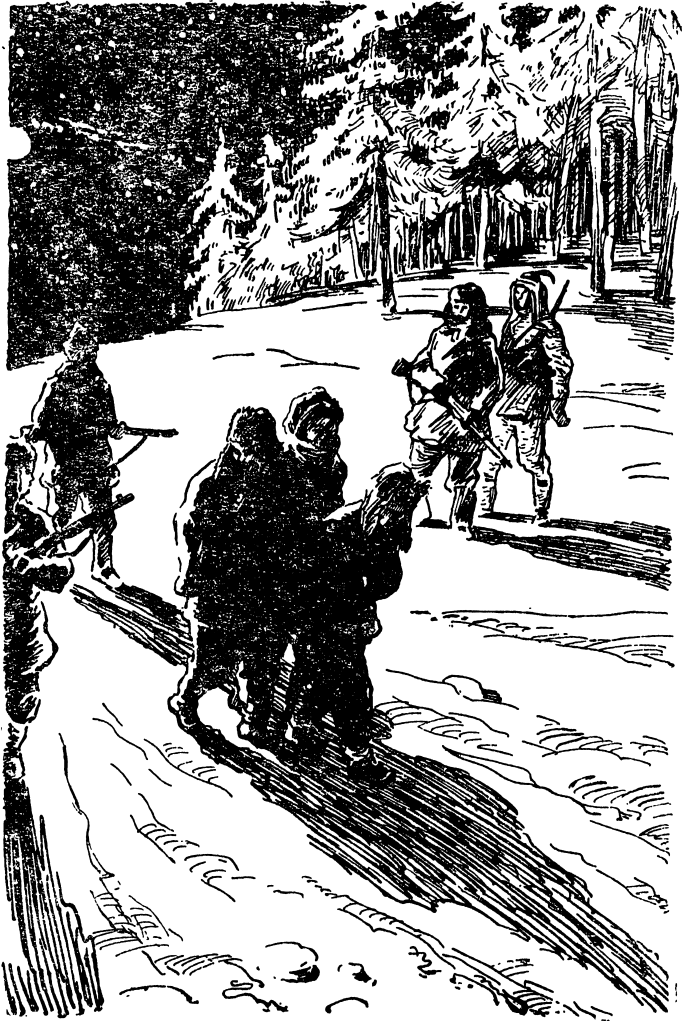
Пальнув несколько раз наугад, Бисанка пустился вдогонку. Человек на лыжах скользил по насту с недюжинной силой и скоростью. Ноги Савельки пробивали наст и увязали в снегу. Скоро он провалился по пояс в какую-то яму.

Когда он выбрался из неё, беглеца уже не было видно — он точно растворился в темноте. Погоня была бесполезной. Бисанка вернулся.

Не прошёл он и пятидесяти шагов, как увидел двигавшуюся навстречу процессию. Впереди понуро шагали арестованные, по бокам с винтовками наперевес шли Колька-китаец и Савелий Петрович. Пограничник Речкин замыкал шествие. Ороч подскочил к пограничнику:

— Моя думай, спиртонос тебя убил!

— Что ты, милый! Меня рано убивать, я на твоей свадьбе ещё не плясал, — шутливо ответил ему пограничник.

Ребятам так и не удалось догнать участников «битвы у фанзы», как окрестил это происшествие Димка. Несмотря на то, что они шли очень быстро, они опоздали: спиртоносов уже посадили под замок.

А Савелий Петрович был уже дома и совсем по-домашнему, босой, расстегнувшись, пил чай. Шурка рассказал отцу, чем окончилась их охота. А Савелий Петрович рассказал о своих приключениях. Ребята слушали с открытыми ртами. Они жалели только о том, что один из спиртоносов удрал и не удалось узнать, кто это.

Савелий Петрович тоже жалел об этом.

Глава двадцать первая

Ещё не раз на спиртоносов устраивались облавы. Теперь Федя Речкин не участвовал в них. Но Гайлис нашёл среди жителей посёлка немало добровольцев, которые охотно помогали Савелию Петровичу. По каким бы тропам ни шли спиртоносы — их ждала засада. Как узнавал Гайлис, где думают спиртоносы пройти, оставалось тайной, но они всегда попадали в его руки. Это показалось им невыгодным, и их путешествия в Тихую прекратились.

У Савелия Петровича было теперь работы по горло. Он пропадал на полянах с утра до ночи.

На участках появились чёрные и красные доски. Первое время на чёрной доске было записано так много фамилий бракоделов и прогульщиков, что доски побелели.

Перелом совершался незаметно, но неуклонно. На чёрной доске оставалось всё меньше фамилий. Появились записи на красной доске. Настал наконец день, когда чёрная доска опустела.

Гайлису пришлось применить и другие меры к некоторым особенно упорным бездельникам. Диюка, у которого на делянке работали хуже других и больше пьянствовали и дрались, начальник несколько раз вызывал к себе на заставу и вёл с ним разговор.

Наконец притих и Диюк.

А Гайлис по-прежнему каждое утро спокойно, не торопясь, проходил по посёлку, направляясь к посту, стоявшему немного в стороне от других домов.

Димка и Щурка подолгу смотрели ему вслед. Друзьям так нравились его спокойная фигура и движения!

Однажды на берегу реки ребята встретились с начальником заставы. Они собирались переехать на другую сторону, когда Гайлис подошёл к ним.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал он. — Не перевезёте ли меня?

— Пожалуйста, товарищ Гайлис! — ответили ребята.

— А вы откуда меня знаете? — спросил начальник, усаживаясь в лодку и лукаво поглядывая на ребят.

— Ну как же вас не знать! Вас весь посёлок знает.

— Ну, тогда будем знакомы! — Он подал ребятам руку. — Как вас зовут?

— Дима Вихров. Шура Пундык, — ответили они.

Гайлис кивнул головой и усмехнулся:

— А, знаю. Это вы макосея помогли поймать?

— Да.

— И на кунгасе в Большую вы сздили?

— Мы.

— Ну вот, значит и познакомились. Я ведь давно хотел увидеть вас. Говорят, вы парнишки храбрые...— И неожиданно спросил: — Чего вы ко мне не заходите?

Ребята смутились. Шурка сказал несмело:

— Нам всё некогда было.

— Почему? Учитесь, что ли?

— Нет, не учимся...

— Надо учиться, ребята! Время уйдёт — не догоните. Я вот учусь всю жизнь и ещё очень мало знаю.

— Ну да... — с недоверием протянули друзья.

— Честное слово!.. Надо, надо, ребята, учиться!

Ребята переехали уже на другой берег. Но Гайлис всё сидел в лодке, продолжая разговаривать. И, странное дело, с этим взрослым человеком, одетым в защитную гимнастёрку с зелёными петлицами, ребята чувствовали себя, как с давно знакомым, близким человеком. Рассказали они, как беспокоились, когда Савелий Петрович ловил спиртоносов. Димка с восхищением поведал Гайлису, как Шурка, не видя никого, угадал всё по следам. Начальник выслушал его очень внимательно. Потом хлопнул Димку по плечу, а Шурку обнял:

— Вот это следопыты! Я, наверное, не сумел бы так ловко узнать всё. Смотрите, в случае чего попрошу вас помочь мне.

Он распрощался с ребятами.

Друзья с сожалением проводили его взглядом. Хотя

они и понимали, что начальник шутит, говоря, что попросит у них помощи, но всё же это была очень приятная шутка.

Дни шли за днями, похожие друг на друга. Димка так привык к Тихой, что про Владивосток совсем забыл. Иной жизни, чем та, которой он жил сейчас, он не представлял себе.

Позавтракав наспех, он бежал к Шурке. Если тот был занят — Димка ждал, но чаще принимался помогать Савелию Петровичу и Шурке. Он уже к этому привык. Ему было стыдно стоять без дела, когда другие трудились.

Но Савелий Петрович нередко старался скорее доделать дело сам, а ребят отсылал охотиться.

И друзья на полдня, а то и на весь день уходили из дому. Обратно возвращались обветренные, уставшие, но румяные и счастливые, и засыпали мёртвым сном.

Дмитрий Никитич сначала беспокоился. Потом тоже привык. И даже был доволен тишиной, постоянно царившей в доме. Можно было работать без помехи.

И только одному человеку в посёлке не нравилось, что ребята бегают, предоставленные, по существу, самим себе.

Однажды в самой гуще тайги они лицом к лицу столкнулись с Гайлисом. Поглядев на их сумки, пухлые от битой птицы, начальник поздравил их с полем. Потом спросил:

— А что, товарищи дорогие, вы всю жизнь думаете гуляючи прожить? Не думали вы над тем, как устроиться учиться?

Шурка шутя произнёс:

— У нас Димка — учёный. Он все книги перечитал.

— Книги надо с умом читать, — сказал Гайлис.

Он попросился с ними и посоветовал:

— Поговорите, ребята, с отцами, пока учиться время не ушло. А я помогу кое в чём. Идёт?

Шурка сообщил отцу об этом разговоре. Савелий Петрович сразу же одобрил мысль Гайлиса, но потом задумался. Денег было мало, знакомых во Владивостоке почти не осталось. Как послать сына в большой город?

Несколько дней он ходил озабоченный. Потом повеселел и сказал однажды друзьям:

— Вот что я вам скажу, хлопчики. Есть у меня один план. Слушайте.

План был хорош. Наловить рыбы и продать её. Продать пойманные летом брёвна, вынесенные из разорванных штормом бонов. Этих денег хватит на поездку во Владивосток, чтобы поступить в училище. А там видно будет.

План понравился ребятам. Нужно было лишь согласие отца Димки. Дмитрий Никитич сказал:

— Неплохо придумано. Ладно, поезжай учиться. Я буду тебе помогать. Немного, а буду.

С этих пор у друзей только и было разговору, что о поездке.

Димке хотелось стать моряком. Шурка же, проведший детство на железнодорожной станции, до сих пор сохранил уважение к паровозам.

По этому поводу друзья даже поспорили. Димку обидело, что приятель хочет остаться на земле. Однако у Шурки был довод, который их примирил. Он заявил, что если все будут плавать на кораблях, то зачем существует земля? А ездить можно и на паровозе, да еще вдвое быстрее.

— Будем ездить, — сказал Шурка, — ты по океанам, а я — по земле. Каждый полсвета объедет. Встретимся — друг другу расскажем, кто что видел, что слышал, что сделал, — и опять в путь.

На том они и кончили спор.

Глава двадцать вторая

риближалась осень.

Косяки рыбы шли в устье Тихой. Началось горячее для рыбаков время. Но Шурка с Димкой ходили удручённые.

Четвёртый день шла рыба, а сетки приятелей пустовали. Улова не было. На берегу стояли пустые бочки. И Димка вздыхал, поминутно заглядывая в лодку. Три маленькие рыбёшки лежали на дне — и это был улов за целую ночь! Правда, улов был плохой у всех жителей посёлка, но друзей это не утешало.

Только кряжистый Чекрыга солил рыбу. От него никогда не слышали жалоб на плохой улов. Против его засольного сарая один за другим выстраивались ряды пузатых бочек. Приезжая в посёлок по делам, Чекрыга раскатисто хохотал над рыбаками, потерявшими всякую надежду на заработок и теперь мечтавшими наловить рыбы хотя бы себе на зиму. Рыбаки хмуро шутили:

— Ты, Николай Евтихевич, должно быть заговор на рыбу знаешь.

Чекрыга высоко задирает свою рыжую бороду. Его креп-

кие большие жёлтые зубы обнажались, а хитрые глазки совсем исчезли в мохнатых веках.

— Как не знать заговора, знаю! Сяду на берегу, рот пошире раскрою да приговариваю: «Ловись, рыбка, большая и маленькая!»

Но Димке и Шурке слова Чекрыги не казались шуткой. Почему, в самом деле, у Чекрыги ловится рыба, а у других нет?

И ребята решили ночью посмотреть, как бывший староста ловит рыбу. Не знает ли он действительно какого-нибудь секрета.

И вот однажды, тёплой тёмной ночью, ребята встретились на берегу. В такую ночь рыба ходит косяками, стенкой, и часто навалившись всей массой на сети, уносит их вместе с кольями. Шурка обмотал мокрыми тряпками укючины, чтобы они не скрипели, приятели тихо уселись в лодку.

— Отец посоветовал так сделать. Я ведь ему рассказывал, — шёпотом произнёс Шурка. — Мало ли что может случиться! Нечего рот зря раскрывать.

Как только лодка отошла, берег пропал во тьме, плотно слился с ней. Лодка двигалась беззвучно, лишь едва различимый плеск вёсел выдавал её. Но и его можно было принять за всплески рыбы.

Шурка прислушался.

— Ну, если и сегодня у нас будет неудача — значит, Чекрыга, и верно, заговор знает!

Подъехав к сеткам, ребята быстро перебрали их. Ничего!

Шурка стал грести вниз, к чекрыгинскому хутору, держась берега. Димка напряжённо вглядывался в темноту, боясь наскочить на чью-нибудь лодку.

Впереди послышался говор. Чекрыгинский хутор был близко. Димка задел головой ветки берёзы, низко склонившейся над водой. Дерево стояло здесь много лет, готовое упасть, да так и не падало. И вспомнил Димка, как однажды Чекрыга смеясь сказал, что берёза упадёт, когда Чекрыга помрёт, а жить он собирался до ста лет.

Справа отчётливо прозвучал женский голос. Потом за скрипели уключины. Ребята притаились, прижавшись к берегу.

Скрип стал удаляться вниз по течению. Чекрыга поехал к бару, где не было жилья. Ребята последовали за ним. Когда скрип затих, остановили и они свою лодку. Ничего не было видно. Зато на воде отчётливо был слышен разговор, точно люди стояли рядом.

— Нашла?

— Нашла.

— Ну выбирай!

Слышно было, как заплескалась рыба, тяжело падая в лодку. Потом раздался хозяйственный голос Чекрыги:

— А ну давай вывозить! Чего лодку перегружать? Лучше ещё разок сгоняем.

Он стукнул вёслами, надевая их на уключины. Те под тяжёлым грузом за скрипели вдвое громче. Чекрыга раздражённо упрекнул жену:

— Тебе что — сала жалко стало? Не могла смазать!

Кунгас Чекрыги прошёл к хутору. Лодку ребят легонько

качнуло волной. Немного выждав, они направились к месту, где кулак ловил рыбу.

Ни кольев, ни условных знаков не было заметно. Тогда ребята принялись шарить в воде вёслами и тотчас же наткнулись на сетки, стоявшие на якорях. Димка стал перебирать их и заметил, что они стояли поперёк течения.

Так вот почему рыба не достигает верховьев! Сети перегородивали ход косякам рыбы. Рыболовный закон был нарушен дважды: сетки стояли поперёк течения и в устье.

Секрет Чекрыги раскрылся очень просто.

— Вот тебе и заговор! — прошептал Шурка.

И ребята поспешили отплыть от опасного места.

Савелий Петрович не спал, дожидаясь рыболовов. Когда ребята вошли в избу, председатель поставил на стол чайник, миску с гречишным мёдом и положил свежий хлеб.

Ребята жадно принялись за еду. Перебивая друг друга, с полными ртами, рассказали они о проделке Чекрыги.

Савелий Петрович слушал внимательно. Несколько раз он переспросил, где находится чекрыгинский «заговор», как найти сетки и глубоко ли они стоят. Затем строго наказал, чтобы ребята никому не болтали о хищнике.

Утром Димка, едва одевшись, помчался к другу. Тот ещё безмятежно спал, сладко всхрапывая. Не сразу Димке удалось его разбудить. Поняв, что спать ему не дадут, Шурка начал одеваться. А Димка в это время рассматривал охотничьи и военные ружья, которыми были увешаны стены. Всё это приносили старому машинисту для починки. Вдруг внимание Димки привлёк нарядный винчестер со сломанным прикладом. Димка снял его со стены:

— Это чей такой?

— Чекрыги. Он его недавно принёс отцу, просил приклад выточить. Зимой, говорит, на медведя ходил, да упал и приклад сломал. Говорит, что это самое его любимое ружьё.

— Чекрыгино, говоришь? Зимой на медведя ходил?..

Димка задумался, не сводя глаз с винчестера, потом опрометью бросился из избы. Через несколько минут он вернулся, пряча что-то за пазухой. Прикрыв за собой дверь, заперев её на крючок и сняв со стены винчестер Чекрыги, кивнул приятелю:

— Иди сюда. Смотри!

Димка вытащил из-за пазухи обломок приклада, найденный им зимой у фанзы макосеев, и приложил обломок к прикладу.

Тогда только и Шурка сообразил, в чём дело, и друзья, возбуждённые и взволнованные своим открытием, решили рассказать о нём Гайлису.

Они тотчас же отправились к дому, где находился пост.

Гайлис принял ребят приветливо, как старых знакомых.

— Ну, садитесь, друзья, — сказал он. — Почему долго не заходили?

Димка набрал полную грудь воздуха и заговорил:

— Спасибо. Некогда было... Товарищу начальник, мы к вам по делу.

Димка положил винчестер на стол и вынул обломок приклада.

Гайлис соединил приклад с обломком и посмотрел на ребят.

— Рассказывайте!

И друзья рассказали ему обо всём, что видели в лесу у фанзы и ночью на реке.

Глава двадцать третья

В рыболовную охрану Савелий Петрович пошёл уже под вечер. Начальник охраны, старик Филькин, человек медлительный и молчаливый, выслушав Савелия Петровича, неохотно побрёл за понятами и потом ещё долго возился со своим катером.

Выехали только в полночь.

Катер рыболовной охраны был гордостью Филькина: ходил он бесшумно, мотор работал безотказно в любую погоду.

Со слов сына, Савелий Петрович хорошо знал место тайной рыбалки, и скоро катер остановился в маленькой бухточке, совершенно невидимой с реки.

С моря надвинулись грозовые тучи, и тьма стала густой.

Время выбрали удачное, долго ждать не пришлось. Вскоре послышались плеск вёсел и приглушённые голоса. Филькин дал полный газ, и катер ринулся в темноту. Застигнутый врасплох, Чекрыга слишком поздно заметил его. Громко булькнули грузные сети, брошенные в воду. Филькин крикнул:

— Руки вверх!

Чекрыга поднял руки. Его жена проворно принялась выбрасывать в воду пойманную рыбу. Однако от старых глаз Филькина это не укрылось. Он заорал тонким голосом, пальнув в воздух из своей «пушки», как называли жители посёлка его ружьё:

— Эй, говорят — руки вверх!

Анна нехотя тоже подняла руки.

Катер подошёл к кунгасу вплотную. На дне кунгаса белели остатки улова.

Узнав Чекрыгу, с которым был в приятельских отношениях, Филькин смутился, потом оправился и распорядился:

— Гражданин Чекрыга и его супруга, пожалте в катер. Понятые — на кунгас, искать невод и сетки. Николай Евтихевич, напрасно беспокоитесь, нам всё известно. Возражать будете в управлении. Управлением он величал избушку, в которой ютился рыболовный надзор.

— Штрафчик, Николай Евтихевич, придётся вам уплатить, несомненно, — сказал Филькин, угодливо улыбнувшись Чекрыге.

Чекрыга молчал. Молчал он и тогда, когда из воды выловили сетки, полные рыбы. Он был уверен, что через несколько дней получит обратно сетки и кунгас, уплатив сущие пустяки: со стариком Филькиным они часто выпивали, не раз Чекрыга на всякий случай ссужал его деньгами и мукой.

Темнота ещё больше сгустилась, вдали прокатился гром, холодный ветер просвистел и затих. Стало свежо, как всегда бывает перед сильной грозой.

Причалив к берегу, все поспешно направились в избу рыболовного надзора. Позади Чекрыги важно шагал старик Филькин, с достоинством неся в руках своё ружьё.

Чекрыга, глядя на него, ухмылялся в бороду.

Вдруг из темноты выступил человек и сказал:

— Гражданин Чекрыга, его жена, товарищ Филькин, товарищ Пундык, идите за мной. Понятые могут идти домой.

Чекрыга кинулся к Филькину:

— Это ещё что за фокусы, старый чёрт?

Филькин повёл плечами и прошептал растерянно:

— Ей-богу, не знаю, Николай Евтихевич... — Но, разглядев Речкина, он испуганно промолвил: — Это не я, это...

Чекрыга вынул трубку изо рта и со злостью бросил её на землю.

Пограничник остановился и поднял трубку:

— Кто это бросил? Бросать не следует. Трубочка-то хороша.

Вся группа подошла к заставе. Анна тихонько вскрикнула, Чекрыга прикрикнул на неё. И все вошли в комнату, освещённую двумя лампами.

Гайлис сидел за столом, в тени. Он поднял глаза.

Чекрыга хмуро спросил, почему его задержали. Незаконная ловля — дело рыболовного контроля, а не пограничников.

Гайлис отозвался:

— Как вы тонко, гражданин, разбираетесь в этих вещах! Вам придётся немного у нас задержаться. Товарищ

Филькин, составьте акт о хищничестве Чекрыги, а потом мы займёмся другими делами.

Трясушимися руками старик составил акт, дал его подписать Савелию Петровичу и Гайлису. На Чекрыгу он не смотрел, боясь встретиться с его мрачным взглядом. Гайлис прочитал акт, положил его перед собой на стол и посмотрел на пограничника, стоявшего у двери:

— Пропустите товарищей Пундыка и Филькина!

Когда те вышли, начальник заставы положил на стол сломанный винчестер.

— Скажите, это ваше ружьё? Когда и где вы его сломали?

— Моё. Оно было в починке у Пундыка. А сломал я его зимой, когда на медведя ходил.

— На медведя, говорите?.. Это не от вашего винчестера кусок?

Гайлис вынул из ящика стола обломок приклада, принесённый ему Димкой. Чекрыга равнодушно взглянул на обломок. Взгляд его ничего не выражал.

— Может, и от моего. Кто-нибудь из охотников нашёл.

— А вот люди говорят, что этот кусочек отбили выстрелом, когда гнались за спиртоносами восьмого февраля. Трёх тогда поймали — четвёртый ушёл. А четвёртым были вы.

Чекрыга пристально поглядел на Анну и обычным тоном ответил:

— Ну, где мне со спиртоносами шататься! У меня старуха не пьёт, да и мне не велит, против выпивки она... Брежут!

— Брешут, говорите? — протянул Гайлис.

Он, должно быть, кого-то ждал.

И в самом деле, вскоре в дверь постучали. Вошли пограничники со свёртком, завёрнутым в рогожу, и осторожно положили его у стены. Свёрток тяжело стукнулся об пол.

Пограничник передал начальнику пакет и исписанный лист. Гайлис, поглядывая на Чекрыгу, принялся читать бумагу вслух:

— «В правом подполье, за бочками с солью, найдено: тридцать четыре банчка для переноски спирта. В засольном сарае, в земляном тайнике, — два старых матерчатых пояса, приспособленных для ношения на спине и на груди, с двенадцатью отделениями, в которых найдено восемь банчков, наполненных спиртом...»

Гайлис сделал паузу, потом продолжал:

— «Между стенками мучного ларя...»

Чекрыга закрыл глаза. Слышно было, как ветер бешено налетел на дом, загремел железной крышей.

— «...мучного ларя, в кладовой...» Посмотрим!

Тут Гайлис развернул рогожу. При ярком свете ламп тускло заблестел металл.

Чекрыга зашевелился.

Гайлис посмотрел на него в упор:

— Сидите спокойно, гражданин Чекрыга!

Чекрыга опять закрыл глаза и, точно обессилев, навалился на стенку. Гайлис читал и делал замечания по поводу каждой вещи, лежавшей в свёртке.

— Маузер в хорошем состоянии. Вы, Чекрыга, хороший хозяин. Четыре пистолета системы «браунинг». Два «коль-

та». Неплохая коллекция! Японцы снабжали? Чекрыга не ответил.

Гайлис вызвал пограничника, приказал убрать оружие из комнаты. Полчаса прошло в молчании. Чекрыга не шевелился.

Анна комкала платок, лицо её было залито слезами. Они текли у неё непрерывно по щекам, по носу и подбородку. Наконец, начальник заставы поднял свой взгляд на Чекрыгу. Чекрыга пустыми глазами смотрел на него.

Гайлис продолжал:

— Мы вас не задержим. Жена может собрать ваши вещи. Завтра поедете на катере в Большую, а оттуда — с ближайшим парходом во Владивосток. Там подробно займутся вашей деятельностью.

И Гайлис позвонил, вызывая конвой.

Наутро все сетки вплоть до излучины, где Тихая поворачивала на север, были забиты рыбой.

Начался большой ход. Река точно ожила. Рыба шла огромными стаями. Острые гребни самцов вспенивали воду на всём протяжении реки. На мелких местах, на плёсах и в узких протоках рыба выплёскивалась на берег, задыхаясь, лежала на песке. Вслед за рыбой в бухте Тихой появился и зверь: росомаха, медведь и рысь.

Медведи подходили совсем близко к посёлку. Забирались в воду и лапой загребали кету. Рыба подпрыгивала на песке. Медведи глушили её лапой, откусывали головы, а туши клали в ямку и засыпали песком, чтобы потом прийти и снова полакомиться.

Рыбаки работали днём и ночью. До сна ли тут было!

Опасались только, хватит ли соли да бочек. Часть рыбы решили засолить сухим посолом, в штабелях.

Укладывая рыбу, мокрые, грязные, но весёлые, рыбаки улыбками встречали председателя сельсовета:

— Ай да Савелий Петрович! Ты, должно быть, в сорочке родился. Везёт нам с тобой!

Савелий Петрович только смеялся, слыша эти слова. Но больше всего радовали его ребята. С удовольствием смотрел он на Димку и Щурку: они прилежно работали, и бочки их были полны отборной рыбой.

Глава двадцать четвёртая

Трада у рыбаков давно кончилась.

Третий день бродили Щурка и Димка в прибрежной тайге.

Ушли они охотиться, но дичи добыли немного: как-то не хотелось в эти ясные, последние погожие дни бить птицу.

Друзья подолгу валялись на высокой скале. Ласковое море ковшом лежало вокруг. Мелкие барашки гуляли по его синему простору. Прибоя не было слышно. Ребята видели, как косые волны набегали на берег ряд за рядом. Одни залезали на камни и падали на песок, жадно глотавший влагу, а другие убегали далеко в море, теряясь в нём. По небу, тоже ряд за рядом, шли перистые облака. И они то таяли, то рождались внезапно, и казалось, что в выши-

не раскинулось такое же море и облака на нём — те же волны.

Ровный шум леса навевал удивительные мысли. И из них только одна была ясной, осязаемой и определённой: «Как хорошо! — говорила она. — Как хорошо!»

Хорошо стало, в самом деле, в бухте Тихой! Штормов не было, и по спокойному морю приходили в бухту мелкие и крупные суда, выгружая на берег всё новые партии рабочих Дальлеса. Теперь уже в тайгу уходили хорошо снаряжённые люди, по берегам реки и на высотных лесосбросах вырастали аккуратные штабеля сухого смолистого леса, и в посёлке ходили слухи, что японцам не продлят концессии в Тихой.

Многие приезжали с семьями. На улицах стали появляться маленькие дети, и рядом с больницей, на берегу моря, вырос новый дом с большими окнами — школа. Но для Шурки и Димки она уже не годилась.

Спокойная жизнь наладилась в бухте Тихой.

На побережье пришла сухая дальневосточная осень...

И вдруг начались лесные пожары. Багровое зарево, не заходящее ни днём ни ночью, остановилось над Тихой. Собаки выли, подняв морды вверх. К ночи тусклый дневной свет сменялся красным.

Вторую неделю все жители посёлка от мала до велика поочередно уходили дежурить на пожарище, отстаивать свои дома и жизнь. Люди шли туда, где гулял по тайге страшный огонь, и через сутки возвращались домой, покрытые грязью и сажей, с руками, распухшими от ссадин и науги.

Но и дома они не знали отдыха. Избы стояли пустые, все вещи были вынесены, горами валялись на улице. И, радуясь неожиданному развлечению, целыми днями среди вещей возились дети.

Крытые дранкой крыши были теплы от далёкого жара.

Тучи дыма носились в море, осаждались копотью на палубах проходивших кораблей. Моряки втягивали ноздрями воздух, пахнувший гарью, смотрели на тёмную тучу, нависшую над берегом, и говорили:

— Сильно нынче горит тайга!

...Тайга пылала.

Огненные языки лизали стволы деревьев. На коре выступала прозрачная смола. Огонь жадно обнимал их, и мачтовый лес сгорал, как свеча.

Каждая порода горела по-своему. Берёза долго не поддавалась огню. На ней, точно от боли, лопалась и морщилась белая кора, ствол темнел, шипел, трещал и лишь тогда, когда огонь добирался до сердца берёзы, она вспыхивала красивым белым пламенем, излучавшим нестерпимый жар.

Стройные лиственницы пылали, как факелы, высоко вздымая огненные шапки, над которыми вился светлый дым. До последнего момента стояли они, тянулись к небу, будто стремясь вырваться из огненного бурана, бушевавшего вокруг. И вдруг рассыпались грудой искрящихся, словно драгоценные камни, углей.

Тис крепился дольше всех. А когда пламя всё-таки одолевало его, он горел красноватым огнём. Уже упав, он ещё

долго сохранял свою форму: тогда казалось, что дерево сделано искусным кузнецом из раскалённого железа.

Сырая осина быстро падала на землю и долго змеилась по ней, точно спасаясь от огня. Иногда казалось, что дерево не сдастся пламени. Вот стоит оно в огненном вихре. Уже сгорели листья, не успев свернуться, с треском отлетели в сторону тонкие ветви, будто дерево отбросило их от себя за то, что они сдались огню; уже белый пар струится по стволу — оно всё стоит несокрушимо. Но вот по коре тоненькой змейкой пробегает огонёк, на мгновение гаснет, чтобы тотчас же вспыхнуть в другом месте. Ствол окутывается прозрачным дымком, сквозь который проглядывают огоньки, и в одну секунду всё дерево занимается и падает, вздымая столбы искр.

Раскалённый воздух метался над тайгой. Ветер подхватывал столбы дыма и огня и нёс их на ещё не тронутый пламенем лес, осыпая его искрами, и далеко, точно на крыльях, переносил пылающие головни.

Люди побеждали. Они вырубали лес, копали длинные канавы, километра в два—три, приближаясь к которым, огонь утихал.

Успокоенные усталые люди уходили в посёлок, оставляя воле притихшего врага дежурных.

А огонь, словно ему кто-то показывал дорогу, за ночь перебирался на другой участок и бушевал пуще прежнего.

И в Тихой стали говорить, что огонь не обходится без помощи человека. Мало преграждать огню путь: надо найти того, кто даёт ему пищу, кто переносит его с места на место — так рассудил Гайлис.

Вечером, после смены, начальник заставы, наравне со всеми воевавший с огнём, позвал к себе трёх человек: Савельку Бисанку, Савелия Петровича и Кольку-китайца.

Показав им карту, он сказал:

— Надо поискать, кто тут вредит нам, товарищи.

Они отправились в лес и войдя в него, тотчас же разошлись в разные стороны.

Гайлис пошёл направо. Хотя огонь утих, но светлый дым ещё стлался под ногами и огоньки ползали по обуглившимся корням деревьев. Он оглядел пожарище, от которого несло противной теплой сыростью, и пошёл по пепелищу.

Изуродованные деревья, почерневшие пни — вот что представилось его взору. Напряжённо думая о чём-то, Гайлис дошёл до места, откуда начался первый пожар. Но и здесь ничто как будто не наводило на след.

Гайлис остановился и задумался, потом сильно потянул ноздрями воздух. В запахе гари, до сих пор носившемся над пожарищем, ему почудился какой-то посторонний, острый и терпкий привкус.

Он принялся бить сапогом по обуглившемуся пню. Посыпалась сажа. Посторонний запах стал ещё сильнее. Гайлис наклонился и стал разрывать слой пепла, покрывавший почву.

В эти места рубщики не заглядывали. Хвоя, опадавшая сотни лет, толстым ковром легла под ноги кедром-великанам. Кедровые сгорели, от них остались лишь чёрные пни. Но ковёр хвои был так толст, что, когда Гайлис стал его разрывать, он докопался до пожелтевшей от времени хвои. Она уцелела от огня, потому что смачивалась подпочвенными

водами. Гайлис нагнулся. От хвой слабо пахло керосином. Раскопав пепел ещё в нескольких местах, он убедился, что керосином облита площадь в несколько квадратных саженей.

Всю ночь бродил Гайлис от участка к участку, но больше ничего обнаружить не удалось. Однако и найденного было вполне достаточно, чтобы убедиться в поджоге.

Два дня посёлок провёл спокойно. Дежурившие на пожарище вернулись домой. Пришли из тайги Савелька с Колькой, но ничего нового они не сообщили начальнику. Лишь в конце разговора Колька убеждённо промолвил:

— Это люди Няяма-сан пожара делают. Моя будет говорить с ними. Моя очень хитрый люди. Чего-чего узнай, тебе скажу.

Савелька доложил начальнику, что он тоже почувствовал запах керосина на одном участке.

Гайлис с нетерпением ждал Савелия Петровича.

Вечером Димка и Шурка, принимавшие самое деятельное участие в борьбе с огнём, постучались к Гайлису. Он обрадовался. Они давно уже не заходили к нему, хотя с самой весны стали у него частыми гостями: слушали рассказы о гражданской войне, о замечательных большевиках, из которых он многих знал. Он даже занимался с друзьями политграмотой и географией, каким-то непонятным образом превращая эти часы в самое увлекательное для ребят занятие.

Гайлис угостил ребят чаем. Пока он возился с чашками и закусками, приятели смирно сидели, поглядывая на не-

го. Намазав хлеб маслом, он кивнул ребятам. Те не заставили себя упрашивать.

Но едва друзья принялись за еду, раздался стук. Ребята застыли с набитыми ртами. Гайлис распахнул дверь. Вбежал Федя Речкин. Он молча кивнул в сторону окна.

За окном в тёмном небе алело зарево.

Гайлис в одно мгновение оделся, взял с собой оружие и посмотрел на своих гостей. Он знал отлично, как им хочется поехать с ним, и вдруг сказал:

— Ну что, приятели, хотите со мной? Тогда поехали!

Через несколько минут, верхом на лошадях, весь отряд поскакал к месту нового пожарища. Чем дальше люди углублялись в тайгу, тем сильнее тянуло дымом. Гайлис, определив фронт огня, послал одного пограничника в посёлок предупредить об опасности и организовать встречный пал у Медвежьего ручья.

Важно было пробраться в тыл огню, чтобы установить, отчего снова вспыхнул пожар. Лошадей не приходилось подгонять, они бежали крупной ровной рысью.

Скоро меж деревьев заблестели огоньки. Сразу стало жарко. Отряд повернул налево, по ветру. Жар спал.

Гайлис точно нюхом чуял дорогу. Сделав несколько поворотов, отряд наконец остановился. Прямо перед ним было недавно выгоревшее место. А впереди был ещё огонь, и до слуха отчётливо долетали треск и гул пожара.

Гайлис соскочил с коня, бросил поводья, осмотрелся.

Медленно пошёл он по пожарищу, предупредив, чтобы никто не следовал за ним. Пограничники остались на месте, тихо переговариваясь:

— Жарко сейчас там. Хуже нет смерти, как живьем сгореть.

— Да, худая смерть!

Через несколько минут послышался голос Гайлиса. Речкин помчался к начальнику. Шурка и Димка, видя, что пограничник с начальником что-то рассматривают, направились туда.

Но Речкин побежал к ним и загородил дорогу:

— Назад, ребята, тут вам делать нечего! Шура, ты поезжай к Медвежьему ручью — передашь эту бумажку пограничнику, который там встречный пал пускает. Быстро — по приказу начальника.

Он передал Шурке сложенный вчетверо и заклеенный облаткой листок. Шурка, не очень охотно на этот раз, вскарабкался на коня и поехал обратно. Димка же остался на месте.

Между тем на Медвежьей протоке кипела работа. Люди трудились, подчиняясь одной мысли: опередить огонь. Стук топоров слышался повсюду. Жужжали шмелями пилы. Высокие сосны рушились, круша вокруг себя мелкий лес. Упавшие деревья подхватывались баграми, крючьями, топорами и оттаскивались в чащу. Люди расширяли протоку лопатами. Огромные глыбы земли обрушивались в воду. Их разбивали ломами и кольями. Медвежья протока вздулась, помутнела. Вода, журча, размывала комья и уносила их с собой.

Савелька, работавший на этом участке, поспевал всюду и шумел больше всех. Ему впервые приходилось участвовать в борьбе против огня.

В роду Бисанка, как и у всех орочей побережья, считалось греховным противодействовать огню. Когда огненный Хозяин подымал над тайгой свою рыжую голову, всё бежало, спасаясь от его горячего дыхания, — и птицы и звери. Орочи выючили свой скарб на нарты, на лодки и уходили в болота — отсиживаться, пока гнев Хозяина не утихнет.

А тут люди осмеливались бороться с огнём. Они преграждали ему путь и смело говорили: «Сюда хода нет! Уходи, умри!» И он умирал.

Савелька немного боялся, что Хозяин рассердится, но чувствовал прилив радостной силы, которая требовала выхода. И Савелька валял деревья быстрее всех, бросался на толстые сучья, обрубая их в одно мгновение. Потом бежал на берег Медвежьей, втыкал высокий крепкий шест в землю, подскакивал и раскачивался на нём. Шест всё глубже входил в почву. Она трескалась и обваливалась в воду. Случалось, Савелька летел в воду вместе с землёй. Этого тоже нельзя было делать — так говорили старики. Если человек падал в воду, он принадлежит Хозяину воды и не должен был плавать, пытаться спаст свою жизнь. Но, решившись на борьбу с огнём и водой, Савелька забыл обо всех запретах. Он хватался за протянутые ему багры, влезал на берег и опять работал за двоих.

Колька же работал молча. Савелька подбегал к нему, хлопал по плечу и кричал:

— Ты чего серчай? Не надо серчай! Кричи надо. Огонь кончай надо...

Однако Колька не кричал. Его жилистые руки и без

того мелькали с непостижимой быстротой. Возле него работал Шурка. А рядом, по ходу Медвежьей, рубили просеку.

Когда она была готова, пограничник, руководивший всеми работами, приложил руку ко рту и протяжно крикнул: — Отходи за протоку-у!

Колька не отошёл, пока не убедился, что все слышали команду и на этой стороне никого не осталось. Тогда и он переплыл. Пора было уходить.

Люди собрались за протокой, готовые к новой битве. Кудрявая шапка пожара показалась над тем местом, где они только что работали. Он налетел на лес ненасытно голодный и, испепеля оставшиеся деревья, мчался дальше.

Палящий жар нагрел воду в протоке. С поверхности её поднялся парок.

Но вот рухнули последние сосны, пламеня и превращаясь в угли. Перед огнём было вырубленное пространство. Огонь заметался, пополз по траве, по сучьям, приник к земле, пытаясь хоть на ней найти себе пищу.

Но навстречу ему уже шёл огонь, уничтожавший и ту узенькую полоску леса, что отделяла просеку от протоки. Две огненные стены встретились. Пламя снова поднялось вверх. Но уже ни вверху, ни внизу не было ему ни пищи, ни дороги. А за выжженной полосой дымилась паром Медвежья. Ослабленный огонь не мог перескочить через неё. Его блестящая корона потускнела, поблёкла и разбилась, золотыми осколками разлетевшись по выжженному полю. Огонь бился на чёрной земле, умирая, и сизый дым, точно саван, накрыл всё пожарище.

Савелька плясал, как безумный:
— Огонь умирай! Вот русский хорошо!
На этот раз пожар удалось остановить быстро.

Глава двадцать пятая

Шурка тоже вернулся в посёлок и первым делом постучал в окно Димке.

Димка сейчас же выскочил на стук. Но вид его показался Шурке странным: глаза у него распухли и покраснели — он, должно быть, плакал.

Шурка участливо посмотрел на друга и спросил:

— Отец обидел?

— Нет.

— А что случилось?

— Так просто...

И, не давая Шурке времени на расспросы, Димка торопливо заговорил:

— Идём к Гайлису! Он просил тебя зайти, как только ты вернёшься.

Димка накинул на себя куртку и, взяв приятеля за руку, потащил за собой.

Пожав плечами, Шурка подчинился. К Гайлису идти нужно было мимо дома, и Шурка машинально повернул на знакомую дорожку.

Но Димка остановил его и сердито спросил:

— Неужели ты единственной просьбы Гайлиса не мо-

жешь исполнить? Гайлис не велел тебе заходить домой.

Шурке вдруг стало не по себе от этих слов, но всё же он послушно пошёл дальше, не зная, что и думать.

К Гайлису ребят пропустили беспрепятственно. Он предложил им сесть и обратился к Шурке:

— Есть у тебя родные, Шура?

— Только папа.

— Скажи, ты бы стал у меня жить?

— Да ведь я с отцом живу!

Шурка насторожился, переводя глаза с Димки на Гайлиса. Сердце его начало сильно стучать. Что могло случиться? Зачем ему жить у начальника заставы?

— Твой папа в Красную гавань поехал, — сказал Гайлис. — Мы с ним сговорились, что ты пока будешь жить у меня.

Шурка нахмурил брови. Всё это выглядело довольно естественно, но почему же нельзя зайти домой? Шурка побледнел. Что-то случилось с отцом!

Он привстал и в упор посмотрел на Гайлиса. Тот положил ему на плечо руку:

— Отец твой сильно болен, Шура.

— Что с ним?

— Шура, — сказал Гайлис, — ты уже большой. Ты не боишься ничего. Слушай, твой отец сильно обжётся. Он попал в огонь. Он сильно пострадал...

Шурка кинулся к дверям, чтобы бежать к отцу. Но Гайлис задержал его, прижав к себе:

— Куда ты?

— К отцу.

— Не надо, Шурик!

От этих слов, произнесённых тихо, Шурка весь похолодел.

— Отцу твоему, Шура, ничего уже не нужно... Он умер.

Шурка всё ещё стоял, хотя ноги его совсем не держали. Как умер? Ведь отец даже не попрощался с ним!

И вдруг он сел на пол, заплакал. И долго плакал, словно во сне ощущая руку Гайлиса, который изредка гладил его по голове. Потом в комнате появился огонёк. Значит, зажгли лампу, значит, наступил вечер.

Гайлис бережно приподнял Шурку и повёл его к кровати.

— Усни, — сказал он ему. — Полегчает.

Он оправил кровать, убавил свет в лампе и сел к столу.

Шурка впал в забытё и не слышал, как Димка, тоже горько плакавший, подходил к его кровати.

Прошло несколько дней.

Начальник не давал горевать Шурке. Он ни на минуту не оставлял его без дела. То Шурка ехал с ним на участок, то на охоту. И Шурка незаметно ещё крепче привязывался к своему новому заботливому другу.

Но отсутствие отца напоминало о себе на каждом шагу. Куда бы ни шёл Шурка, он поминутно сворачивал на тропинку к своему бывшему дому. И вдруг останавливался. Ему казалось, что вот из-за поворота покажется крепкая, приземистая фигура отца, что сейчас он услышит его любимое слово — «хлопчик». И какую бы вещь ни брал Шурка в руки, он вспоминал отца. Ружьё подарил Шурке отец.

Пулелейку изготовил отец. И даже пуговицы на курточке Шурки были сделаны им. Он сам пришивал их толстой белой ниткой и выучил этому сына. Стоило Шурке посмотреть на иглу, и ему виделось, как отец держит эту иглу в руках и приговаривает:

— Учись, хлопчик, за собой ухаживать. Прислуг у нас нет и не будет. То-то, сынка... Мужчина должен всё уметь делать сам.

Несчастье, постигшее Шурку, не разлучило его с другом. Он не говорил с Димкой об отце. Но однажды, спустя недели две после похорон, он вдруг спросил, видел ли Димка отца мёртвым. Тот после некоторого замешательства рассказал, что Савелия Петровича нашли на пожарище с сильно разбитой головой и обгоревшим телом. Похоже, что его придавило упавшим деревом.

— Только знаешь, Шурик, — заметил Димка, оглянувшись по сторонам, — Гайлис говорит, что это не так. Он говорит, что Савелия Петровича бросили в огонь уже после того, как... убили...

Шурка вскрикнул при этих словах.

— Не кричи! — шёпотом сказал Димка. — Я слышал, что Гайлис ищет убийцу. Он думает, что Савелий Петрович застал поджигателей на месте, а они убили его, потом бросили в огонь. Возле него нашли пустой бидон из-под керосина. Будто поджигал лес он, понимаешь?

— Мой отец не мог этого сделать! — закричал Шурка ещё громче.

— Тише, тише! — сказал Димка. — И Гайлис говорит то же самое и всем велит молчать. И я молчу, ты видишь,

но у меня свои соображения есть. Та банка, которая лежала возле Савелия Петровича, не такая, как наши. На наших банках белые наклейки, а на этой название фирмы напечатано чёрными буквами: «Хаяси», а пониже — «Токио», я хорошо запомнил! И я нашёл обгоревшую застёжку от таби. Пороемся в японских бараках, что-нибудь похожее найдём, Гайлису пригодится. Хочешь?

Шурка тотчас же согласился, потому что не было у него более сильного желания сейчас, как найти убийцу отца, кто бы он ни был. Одно его пугало — убийцы могут удрать. Он слышал сам от Гайлиса, что концессия уезжает из Тихой. Надо было спешить.

В эти дни Шурка и Димка несколько раз встречались с Колькой-китайцем. Тот всегда очень приветливо здоровался с ними, но, заметив, что он стал частенько наведываться на ту сторону, иногда даже ночевал в концессии, мальчишки стали отвечать на его поклоны сухо, а скоро совсем перестали здороваться и даже избегали встреч.

Глава двадцать шестая

днажды с моря донёсся густой протяжный гудок. На рейде показался чёрный пароход с красным треугольником на трубе. Это был японский лесовоз.

В бараках засуетились. Служащие концессии, Наканосан и сам Наяма-сан готовились к отъезду.

Шурка с Димкой, боясь, что им не удастся ничего сде-

лать до отъезда японцев, решили сейчас же переправиться на другую сторону. Димка побежал за лодкой.

Спустя полчаса приятели были уже на другой стороне. Они спрятали лодку в кустах, а сами, словно гуляя, подошли к крайнему барaku. Он был уже пуст. Ребята скользнули в него.

На глинобитном полу барака в беспорядке валялись забытые и ненужные вещи: соломенные плащи и шляпы, деревянные колодки — гета, изорванная верхняя одежда, стоптанные, прохудившиеся таби. Здесь же лежали связки наконечников для сплавных багров, железные кольца для брёвен, палочки для еды, деревянные и глиняные чашки.

Друзья стали перебирать весь этот хлам. Шурка выбирал таби, Димка же проверял, не подходит ли к ним найденная застёжка. Но, к великому огорчению ребят, почти у всех таби не хватало застёжек. Димка помрачнел. Вот, наконец, попалась пара таби, привлекающая внимание друзей. Она была прожжена в нескольких местах, и застёжек на ней совсем не было. Димка сунул находку за пазуху.

Затем друзья наткнулись на целую гору керосиновых банок, похожих на ту, что видел Димка на пожарище. Они решили взять с собой и банку.

Вдруг неподалёку послышались голоса. Боясь, что их обнаружат, Шурка и Димка притаились за дверью барака.

В барак вошли двое: один из них — Колька-китаец, второй — японец, смутно напоминавший Шурке кого-то, уже однажды виденного. Колька в чём-то горячо убеждал японца. Тот мотал головой и всем своим видом выражал несогласие. Беседовали они долго. У ребят затекли ноги.

Несколько раз японец порывался уйти, но Колька удерживал его. Постепенно японец сдавался на уговоры. Кончилась беседа новой неожиданностью для ребят: Колька стащил с японца кимоно с иероглифами на груди и на спине, снял платок, которым была повязана голова рабочего, нахлобучил ему на голову свою фуражку, отдал пиджак и брюки, а сам остался в лёгкой китайской одежде.

Японец торопливо переодевался, то и дело прислушиваясь к звукам, доносившимся с берега. Когда всё было кончено, Колька повернул переодетого японца и рассмеялся. Рассмеялся и японец. Потом они вышли.

Ребята не знали, что и подумать, но решили доложить обо всём начальнику заставы.

Друзья бросились бежать к лодке.

На середине реки они, будто по уговору, повернули головы к пристани концессии. Там шла погрузка на паром.

— Скатертью дорога! — сказал Димка злорадно.

— Чтоб они все подошли! — сказал Шурка.

К Гайлису они ввалились без предупреждения, выложили перед ним всё, что принесли: банку, таби без застёжек — и в один голос рассказали ему о том, что видели в японском бараке.

Гайлис выслушал их и усмехнулся:

— Что же вы, молодые люди, — не верите, что я разыщу что надо без вас?

Ребята смутились. Они никак не думали, что Гайлис именно так истолкует их желание помочь, и стали горячо оправдываться. Гайлис выслушал их, мельком осмотрел

принесённые ребятами вещи и добавил всё с той же усмешкой:

— Ладно, оставьте это у меня.

Потом, после небольшой паузы, Гайлис спросил друзей, уже без всякой улыбки, не раздумали ли они ехать во Владивосток, и предупредил, что поедут они пока вдвоём, а он приедет позже.

— Но я вам дам записку к моим друзьям, — сказал он. — Первое время вам помогут. А там будем жить вместе, раз мы уж так сдружились!

Глава двадцать седьмая

Одно вечером, когда Димка уже спал, кто-то постучался в дверь.

Дмитрий Никитич очень удивился, узнав в позднем госте Гайлиса. И ещё больше был он изумлён, когда тот сразу же заговорил о его сыне.

Дмитрий Никитич слушал его долго, не прерывая. Гайлис — человек как будто посторонний — высказывал о его сыне мысли, какие ему, отцу, за недосугом даже не приходили в голову. Ведь это был только непоседливый мальчишка! Но Гайлис за его беспокойными похождениями и жаждой приключений видел крепкую, цельную натуру. И при правильном воспитании из него обязательно должен выйти хороший человек, сказал под конец Гайлис.

Вихров густо покраснел. Ему стало стыдно. Неужели

он был таким невнимательным отцом! Он даже не знал, что Димка хочет стать капитаном, не знал, о чём думает его сын, о чём он мечтает.

Беседа длилась долго. Пропели вторые петухи, а в доме Вихрова всё ещё горел огонь. Прощаясь с начальником заставы, Дмитрий Никитич крепко пожал ему руку.

Долго он не мог уснуть, ворочался с боку на бок, вздыхал, кряхтел, одну за другой курил папиросы. А утром позвал к себе Димку, потрепал его ласково, озабоченно оглядел с головы до ног и сказал:

— Поезжай во Владивосток. Я согласен. Может быть, в самом деле, так будет лучше для тебя. Выбивайся на счастливую дорогу.

Димка недоверчиво подошёл к отцу. Он весь порозовел от счастья, у него даже уши покраснели. Димка обнял отца и крепко прижался к нему.

До прибытия парохода оставалось три дня. Димка был сам не свой. Он не знал, куда девать время, которое, казалось, тянулось страшно медленно. Несколько раз укладывал он свой багаж и снова вынимал сложенные вещи, перекладывая их по-другому. Или вдруг останавливался посреди дома, вспоминая, не забыл ли он чего-нибудь.

Он, казалось, знакомился заново с каждой вещью, жившей с ним с детства, и со многими из них ему не хотелось расставаться.

Шурка тоже готовился к отъезду. Он впихивал в свой чемодан всё, что, по его мнению, было необходимо в городе: меховые чулки и кухлянку, пулелейку и разобранный шомпол, два фунта дробы, банку пороху, восемь пищиков,

перемёт и стеклянные поплавки. Потом подумал-подумал и запахал туда ещё несколько беличьих шкурок, косульки рога и закопчённый медный котелок.

Всё было готово у друзей, а парохода всё ещё не было.

Но вот, наконец, он пришёл и стал далеко на рейде, прямо против бухты Тихой.

И Шурке, который с таким нетерпением ждал парохода, вдруг стало грустно, жаль стало милых мест, где всё было знакомо и каждый камень известен.

Глава двадцать восьмая

Море было беспокойно, кунгас, в котором разместились провожающие, сильно покачивало. С каждой минутой всё меньше становилось расстояние до борта парохода, высокой стеной возвышавшегося над серыми волнами. Наконец кунгас оказался рядом с бортом парохода. Все взошли по трапу наверх. На палубе суетились люди, шипел пар и стучали лебёдки. Все это Димка отлично помнил ещё с той ночи, когда он в первый раз увидел бухту Тихую.

Но одно удивило его и Шурку: среди пассажиров они увидели того японца, с которым Колька-китаец переодевался в японском бараке. На японце до сих пор были вещи Кольки. Затем друзья заметили, что при виде Гайлиса японец низко раскланялся и Гайлис ответил ему на поклон. Японец прошёл в помещение третьего класса, куда за ним последовал молодой красноармеец с винтовкой.

А Гайлис с ребятами отправился к капитану. Он передал ему пакет, потом заговорил о своих маленьких друзьях. Капитан улыбнулся, посмотрел на ребят и кивнул им ласково.

— Хорошо, — сказал он, — я о них позабочусь. С каждым рейсом буду привозить вам весточку.

Пароход заканчивал посадку. Через несколько минут Шурка и Димка должны были покинуть Тихую. Все столпились у борта.

— А вот, кажется, и последний пассажир! — произнёс капитан, показывая рукой на устье.

Оттуда полным ходом, приплясывая на волнах, шёл зелёный пограничный катер. Гайлис крепко поцеловал Шурку и сказал:

— Помните, ребята, вы притащили мне однажды из японского барака какие-то вещи, хотели помочь отыскать убийцу Савелия Петровича? За хорошее желание — спасибо, но нашли мы его и без вас: у нас руки крепкие, длинные, крепче, чем у вас, ребята. Мы повсюду достанем врага. Вот кто убил твоего отца, Шурка, вот кто жёг тайгу...

Шагнув с зелёного пограничного катера на трап и ступая тяжело, точно у него были чугунные ноги, подымался Накано-сан. Позади него шли Федя Речкин с наганом в руке и радостный, сияющий Колька с Савелькой. Поднявшись на палубу корабля, Речкин отрапортовал начальнику:

— Арестованный доставлен, товарищ начальник.

— Сдайте его под расписку судовой администрации, — ответил Гайлис и, повернувшись к ребятам, сказал: — Когда-нибудь я расскажу вам всё подробно, а сейчас знайте:

во всём виноват Накано-сан со своим хозяином. Он пользовался картой, которую Чекрыга взял у Дмитрия Никитича, чтобы впутать в дело о поджогах невиновных людей, сбить нас со следа. Поджигал приказчик не сам — он использовал для этого одного рабочего, вы его сейчас видели, по имени Саканами. Того, который однажды ранил Савелия Петровича. Это было давно... Но Накано-сан прятал его тогда и, постоянно угрожая выдать, заставлял действовать по своим планам.

Савелий Петрович настиг поджигателей в лесу. Он их преследовал. Но он был один, а их — двое. Накано приказал рабочему убить объездчика, но Саканами отказался, и никакие угрозы хозяина не помогли. Саканами уже надоело жить затравленным зверем. Тогда Накано, спрятавшись за дерево, сам выстрелил в Савелия Петровича. А рабочего Накано объявил убийцей и посадил в подвал, распространив среди рабочих слух, что тот сошёл с ума. Но, ребята, — закончил Гайлис, — я сказал уже вам: руки у нас достаточно длинные, и Колька недаром ходил в гости к японцам. Ведь и на концессии живут рабочие. Врагам нашим спрятаться трудно — ни уплыть, ни уехать.

Так закончил свой рассказ Гайлис и, потрепав ребят по плечу, добавил:

— Ну, друзья, счастливого пути! — Он ещё раз поцеловал Шурку, поцеловал и Димку: — До свиданья, инженер-паровозостроитель. До свиданья, капитан дальнего плавания. Скоро и я буду с вами!

Послышался гудок парохода. Белый пар вырвался из тонкой трубы, смешался с дымом. Все стали прощаться.

Дмитрий Никитич обнял Димку. Глаза его вдруг покраснели. Он застыдился слёз, отвернулся и плачущим голосом сказал:

— Поезжай, сынка, поезжай!

Провожающие вернулись на катер, и тот стал медленно отходить. А друзья остались на корабле.

Через несколько минут устье Тихой закрылось Поворотным мысом. Скоро и его очертания поглотила голубая дымка. Берег слился с небом. Узкий серп молодого месяца посеребрил широкую дорогу, расстилающуюся перед кораблём. Казалось, конца-краю не будет этой дороге.

Ребята посмотрели вперёд и взялись за руки:

— Ну, поехали, Шурик! — сказал Димка.

— Поехали!

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Глава первая	3
Глава вторая	7
Глава третья	13
Глава четвёртая	19
Глава пятая	28
Глава шестая	36
Глава седьмая	45
Глава восьмая	48
Глава девятая	50
Глава десятая	54
Глава одиннадцатая	69
Глава двенадцатая	72
Глава тринадцатая	76
Глава четырнадцатая	81
Глава пятнадцатая	87
Глава шестнадцатая	92
Глава семнадцатая	102
Глава восемнадцатая	105

Глава девятнадцатая	111
Глава двадцатая	121
Глава двадцать первая	130
Глава двадцать вторая	135
Глава двадцать третья	141
Глава двадцать четвёртая	148
Глава двадцать пятая	159
Глава двадцать шестая	163
Глава двадцать седьмая	167
Глава двадцать восьмая	169

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Отзывы об этой книге присылайте по адресу: Благовещенск-на-Амуре, Интернациональный переулок, 13, Амурское книжное издательство.

***Для младшего и среднего
школьного возраста***

Дмитрий Дмитриевич Нагишкин

Т И Х А Я Б У Х Т А

Амурское книжное издательство,
Благовещенск, Интернациональный пер., 13.

Редактор О. К. М а м о н т о в а
Худ. редактор П. К. П у с т о в о й
Тех. редактор А. А. Г о л о в н и н
Корректор Н. Б. П р а в о т о р о в а

Сдано в набор 18/IV-1959 г.
Подписано к печати 9/VI-1959 г.
Формат 70×108/32. Бум. л. 2,75,
печ. л. 5,5, усл. печ. л. 7,5,
авт. л. 6,6, уч.-изд. л. 7,4.
ВЕ00706. Заказ № 3652.
Тираж 100 000 (1—50 000)
Цена 2 руб. 60 коп. (в переплёте).

Типография «Амурская правда»,
Благовещенск, ул. Ленина, 179.

3 р. 60 к.

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896